

— Батюшки! Никак племянничек?! — хлопотала над Глебом Сергеевичем старушка, в которой он, чуть оклемавшись, признал Ягоду Митрофановну.

И подумал покаянно, шмыгая носом, как быстро — всего-то за пару-тройку часов он, человек цивилизованный вполне, даже, можно смело утверждать, уважаемый и достойный во всех отношениях член общества, может, оказавшись в диком лесу, вне цивилизации, утратить человеческий облик, предстать уничтоженным почти, раздавленным и размазанным перед очами бабки-спасительницы. Которую недавно ещё презирал, над которой посмеивался снисходительно...

* (Продолжение. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 11)

А теперь он низложен, унижен настолько, что, стоя на четвереньках перед неряшливой деревенской старухой, готов руки её грязные целовать, лишь бы она вывела его, спасла от этого мрачного, враждебного леса...

— Эх тебя, Глебушка, потрепало-то, — причитала между тем бабулька. — Али медведь драл? Так тут акромья Потапыча медведёв нету... а он зверь мирный, из людей не кидается... И чего ж ты так напугался?

— К-кабаны... р-распроклятые... — словно обиженный школяр, всхлипывал отставной чиновник. — Ч-чуть не сожрали!

— Ну, полноте, батенька, полноте, — строго выговорила ему бабка. — Что тебе те кабаны? Они желудями питаются, травкой, кореньями разными... Ты их не трогай, и они не тронут...

— Я, ик, их и не трогал, — оправдывался Дымокуров. — Они сами, первые... Ка-ак побегут!

— Пойдём, пойдём, милай, в избу, — увещевала, поднимая его с колен, баба Ягода. — Там всё расскажешь. Я тебя целебным отварчиком напою...

Старушка повела горе-путешественника к избушке, рубленной из стволов вековых лиственниц. Жилище стояло, приподнявшись над этой сырой в чаще леса от вечного сумрака и тумана почвой на двух гигантских... да нет, не куриных ногах, естественно, а на двух огромных пнях. Могучие корни у комлей, вросшие навеки в землю, и впрямь напоминали, если

смотреть издали, сквозь опухшие от слёз, слипшиеся веки, когтистые куриные лапы.

Вслед за бабкой, по-молодецки ловко вскарабкавшейся по лесенке, сколоченной из крепких жердей, к порогу вознесённой метра на полтора над землёй избушки, Глеб Сергеевич тоже начал взбираться, судорожно цепляясь руками и нашаривая ногами перекладыны, пыхтя и отдуваясь.

Скрипнула, распахнувшись, тяжёлая, из дубовых досок полуметровой ширины, входная дверь, и Дымокуров даже не вошёл — вполз внутрь, запалённо дыша и хватаясь за сердце.

Тем не менее, даже пребывая, как выражались прежде, «в растрёпанных чувствах», отставной чиновник не преминул окинуть взглядом полутёмное нутро избы, освещённое лишь пламенем очага, сложенного из дикого камня.

Впрочем, изнутри избушка оказалась гораздо просторнее, чем это представлялось снаружи. Оставшееся свободным от огромной печи пространство занимали длинные полки из тёсаных досок по стенам. Они были уставлены множеством разнокалиберных склянок то с жидким, то с порошкообразным содержимым всех цветов и оттенков. Посередине избы возвышался стол, занятый ретортами, колбами, невероятной вместимости бутылками, глиняными чашками с гранулами и зёрнами непонятного стороннему человеку происхождения. С прокопчённого потолка

свисали пучки трав, нити сушёных грибов, гроздья каких-то ягод, а также нечто мумифицированное, в чём Глеб Сергеевич не без содрогания распознал тельца летучих мышей, лягушек и ещё каких-то мелких животных.

Здесь же, в углу, громоздилась и ступа — высоченная, в человеческий рост, выдолбленная из цельного ствола какого-то каменной плотности, почерневшего от времени дерева. При желании Дымокуров мог бы, пожалуй, поместиться внутри неё с головой. К ступе была прислонена чилижная метла на длинном черенке, отполированном до блеска ладонями в течение долгого употребления.

Старуха указала гостю на лавку возле очага:

— Садись, милоч, отдышись.

А потом, похлопотав у стола, протянула ему глиняную, сомнительной чистоты кружку, на дне которой плескалась дегтярной черноты, дурно пахнущая жидкость. — На-ка, выпей. Вмиг мозги прочистит, голову прояснит, силы восстановит...

Глеб Сергеевич взял кружку, с подозрением нюхнул содержимое. Поинтересовался капризно:

— Что это за гадость?

— Пей, не бойсь! — подбодрила его старушка. — Отвар: ягодки, грибочки, травка кой-какая. Всё экологически чистое, без ГМО, красителей, консервантов. Тонизирующее, как теперь говорят.

После пережитого ужаса в лесу бояться Дымокурову здесь, в избе, было уже нечего. А потому он,

выдохнув и зажмурился все органы чувств, поднёс кружку ко рту и выпил одним глотком. Скривился, почмокал губами:

— Бр-р... мерзость какая!

— А все лекарства, Глебушка, горькие да на вкус противные. Чем горше да противнее, тем сильнее да эффективнее! — выдала бабка прямо-таки санпросветовский слоган.

Отставной чиновник хмыкнул скептически, но почувствовал вдруг, что ему и впрямь полегчало.

Унялась одышка, успокоилось трепыхавшееся до того испуганным воробышком где-то за грудиной сердце, мысли потекли бойчее. Глеб Сергеевич заметно повеселел, с живым интересом уже принялся разглядывать окружающую обстановку.

— Интересно у вас тут всё обустроено, — заметил он, обводя рукой окружающее пространство.

— Моя лабалатория! — не без гордости заявила баба Ягода.

— Э-э... лаборатория, — машинально поправил её окончательно пришедший в себя Дымокуров.

— Ну да, — охотно согласилась старушка. — Я и говорю: рабалатория. Лекарства готовлю здесь от хворей разных. Отвары, приворотное зелье...

— Так вы знахарка?! — догадался Глеб Сергеевич.

— Можно и так сказать, — кивнула бабка. — Пользую болезных. Народу нравится. С медициной-то нонче как? Поди, к доктору ещё попади! А я и диагноз поставлю,

и лечение назначу, и лекарства хворому дам с собой, с наставлениями, как принимать. Вывихи вправляю, позвонки при остеохондрозе на место ставлю, зубы удаляю...

— Бесплатно? — уточнил Дымокуров.

— Бесплатно только птички поют, — улыбнулась щербато старушка. — Бесплатно нельзя — уваженья к лекарю не будет. Да, впрочем, плата невелика: десяток яиц, либо баночка сметаны, али мёда, а то, к примеру, бутылочка масла постного... Ну, платочек могу взять, носки вязаные шерстяные... в хозяйстве всё пригодится!

Глеб Сергеевич слушал, кивал умиротворённо, а в голове у него крутилась нелепая вроде бы мысль, свербело от желания задать старушке дурацкий, прямо скажем, вопрос. Наконец он решился:

— Я вот смотрю на вас, Ягода Митрофановна, и понимаю теперь, откуда такой фольклорный персонаж, как баба Яга, появился. Будто с вас списан. Избушка в глухом лесу на курьих ножках, зелья разные, ступа. Печь, опять же... В такой, если сказкам верить, баба Яга Иванушку, посадив на лопату, хотела зажарить...

— Не зажарить, а запечь! — с возмущением встряла старушка.

Отставной чиновник пожал плечами:

— Да какая, в сущности, разница? — а сам покосился опасливо

на очаг, прикидывая в уме, пролезет ли он, взрослый, склонный к полноте человек, сквозь дверцу в полыхающее жарко нутро. Если бабке придёт в голову попытаться его туда запихать. Сумасшедшая — с неё станется...

А старушка между тем возбудилась, зашагала по избе в возмущении так, что юбка знаменем от ходьбы развевалась.

— Жарить аль запекать — большая разница! Всё от безграмотности, темноты людской, злобы да зависти! Оздоровительную процедуру, физиотерапию, по-нонешнему, чёрт знает за что принимают! А молва потом веками ту глупость, ту сплетню разносит!

Глеб Сергеевич уже пожалел искренне, что не удержался, сунулся с дурацким вопросом, и теперь, поёживаясь, внимал.

А бабка, распаяясь, продолжала:

— Ежели мальчонка, к примеру, голодный, холодный, простуженный до соплей, один в лесу проблукал, что первым делом требуется? Согреть его хорошо. А в печи — самый жар. Прогрелся бы, пропотел — хворь как рукой и сняло бы! А он упёрся, извернулся — и дёру. Да ещё на всю округу ославил!

— А в сказке говорится, что вы его съесть хотели, — вставил Дымокуров. И только потом осознал, какую глупость сморозил. Ну, при чём тут сказочный, вымышленный персонаж и эта, пусть и

выжившая из ума, но вполне современная старушенция?!)

— Вот ведь и придёт же в голову дикость такая! — кипятилась возмущённо бабка. — Младенцев-то, хилых да недоношенных, испокон веков в печи запекали! Да ещё ржаным тестом сверху обмазывали. Чтоб, значит, хлебный дух целительный в тело проник, пропитал, сил дал организму, болезнь выгнал! А людская молва, суеверия, вон чо мне, лекарю, приписали!

Глеб Сергеевич кивал понимающе, а потом, решив поддержать беседу со сбрендившей окончательно старушкой, кивнул на ступу в углу, спросил, как о самой собой разумеющемся:

— Летает?

— Ступка-то? — словоохотливо откликнулась хозяйка избы. — А то, как же! Я её ласточкой зову, — подойдя к чёрной колоде, бабка ласково похлопала сухонькой ладошкой по деревянному боку. — За скорость, эту, как её... манерность... опять же — всепогодная она у меня!

— А горячее? — изображая искренний интерес, поинтересовался Дымокуров. Ему всё окончательно стало ясно, однако он старался поддерживать разговор, ибо вычитал когда-то: сумасшедшим перечить не следует. Нужно соглашаться со всеми их доводами, делать вид, будто веришь в их измышления.

— А не надо ей никакого горячего! — с гордостью заявила

старуха. — Она на природном, вечном, можно сказать, топливе. Перепетуй мобиле, язвы её...

— Перепетуй? — не понял Глеб Сергеевич, а потом догадался. — Перпетуум мобиле! Вечный двигатель.

— Он самый, штоб его дождём намочило, — подтвердила бабка и принялась объяснять. — Тут, — ткнула она тонким, как обглоданная куриная косточка, пальцем куда-то в нижнюю часть колоды, — два диска. Один — из магнитного железняка, второй — из бел-горюч-камня выточен. Там, — привстав на цыпочки, указала она на дно ступы, — педалька такая. Наступишь ногой, камни соединяются, и эта, как его... агравация...

— Антигравитация? — подсказал отставной чиновник.

— Ну да, антигравитация появляется. Можно лететь. А метла — она вроде рулевого управления. Шаркнешь по левой стороне ступы — налево летит. По правой — направо, понятное дело. Ну, ещё набор высоты есть, снижение, само собой...

— Само собой, — кивнул понимающе Дымокуров.

Ну, естественно! Чего ж тут сложного? Два камня, веник. Р-раз! — и антигравитация. Полетели! Всего и делов-то...

«Однако пора выбираться отсюда, пока совсем не стемнело», — соображал Глеб Сергеевич, видя, как за грязным, мутным окошком избушки сгущаются вечерние сумерки.

— А что, баба Ягода, далеко до усадьбы-то? — будто между прочим поинтересовался он.

Старушка будто бы миг поняла намёк, спохватилась:

— Ой, Глебушка, заболталась я с тобой... а уж того и гляди — ночь на дворе наступит! Тут до имения рукой подать. С полкилометра. И тропка приметная. Я ж каждый день туда-сюда, то в лабалаторию, то домой шастаю. Прямо не знаю, как ты заблудиться тут умудрился...

— А вы меня не проводите? — осторожно спросил Дымокуров. — А то я, знаете ли, здесь, в лесу, как-то не очень... ориентируюсь...

— Не могу, Глебушка, — развела руками старушеница. — У меня зелье приворотное на подходе. — Она указала на очаг, где кипела в чугушке, слабо побулькивая, какая-то вязкая жидкость тёмно-зелёного цвета. — Пора градиенты добавлять: лапки лягушачьи да кирпич тёртый... А! — воскликнула она озарённо, — я тебе провозагото дам!

«Господи, это ещё кто?» — опасливо глянул Дымокуров по сторонам.

Но бабка, нырнув рукой куда-то в складки своей широченой, безразмерной юбки, пошарила там, в бездонных карманах, и извлекла на свет клубок шерсти красного цвета, величиной с теннисный мячик.

— Вот, мохер, между прочим, стопроцентный. Никакой синтетики! — хвастливо подчеркнула она, протягивая клубок Глебу Сергеевичу.

Тот осторожно принял его в руки, с недоумением ощупал, осмотрел. И впрямь шерсть, толстая нить, из какой носки да свитера вяжут, в плотный клубочек свернутая.

— И... что с ним делать? — не мог взять в толк отставной чиновник.

— А вот что! — забрав у гостя клубок, старуха немедленно запустила его через порог избы.

Красный клубочек запрыгал приметно среди зелёной травы, а потом непостижимым образом свернул вдруг на видимую явственно, несмотря на накатившийся сумрак, тропку и покатился по ней неспешно. Игнорируя инерцию и земное притяжение, шерстяной колобок, вопреки законам природы, переваливался старательно через торчащие изпод земли корни деревьев и валившиеся ветки и катил куда-то целеустремлённо в лесную чащу.

— Давай-давай, поспешай, — подбодрила Дымокурова старуха, подталкивая его к порогу избышки. — Это навигатор, по-вашему. Аккурат до порога усадьбы тебя доведёт!

Подчиняясь напору и безумной убеждённости бабки, ругая себя мысленно за бесхребетность и глупость, Глеб Сергеевич сполз по лесенке на стлую от вечерней росы землю. И, подрагивая от промозглой сырости, припустился вслед за дурацким клубком, который катился сам по себе, как ни в чём не бывало, по лесной тропинке.

Хрипло дыша и едва поспешая за таинственным колобком,

ловко преодолевающим неровности почвы, огибавшим кусты и стволы деревьев, Дымокуров, оправдывая своё безрассудство, успокаивался мыслью о том, что этот комок шерсти, возможно, и впрямь навигатор какой-то новой, неизвестной ему модели. Японского или, к примеру, китайского производства.

И где-то в шерстистом нутре его спрятан хитроумный, радиоуправляемый со спутника механизм с моторчиком, движимый энергией электрических батареек...

17

— Э-э... любезный! Вы живы? Что это с вами? Очнитесь!

Сбруев слышал эти вопросы, подкреплённые лёгким похлопыванием его по щекам, но не мог прийти в себя от пережитого ужаса. Впрочем, голос явно не принадлежал воскресшей непостижимым образом жуткой старухе.

Неудавшийся поэт осторожно приоткрыл один глаз. И тут же опять крепко зажмурился.

Человек, склонившийся над ним, обладал внешностью не менее таинственной, устрашающей, чем ходящая по кладбищу среди бела дня покойница.

Ферапонта тормозил, присев возле него на корточки, некто в чёрном. В широкополой пасторской шляпе, с бескровно-белым лицом, на котором выделялась ярко полоска рта с кроваво-красными, сочными, будто перезревшая клубника, губами. Взор

незнакомца надёжно скрывали зеркальные, отражающие лишь окружающее пространство очки. А касался лица Сбруева он рукою, затянутой, несмотря на летнюю жару, в чёрную лайковую перчатку.

На мгновение поэт предположил, что он умер и пребывает в аду, однако тут же отбросил эту суеверную мысль. Ибо не может в преисподней так ярко, до рези в глазах, полыхать предзакатное солнце. Да и человек в чёрном обращался к нему вполне по-земному, строго, будто полицейский пьяного гражданина будил:

— И чего это вы здесь разлеглись? Подъём! Вы что, выпили лишнего? На кладбище живым спать не положено!

Командирский голос подействовал, и Сбруев, открыв глаза, принялся подниматься, кряхтя и ощупывая здоровенную шишку на темени. Не привиделась явно старуха-то!

— Я... мнэ-э... на меня напали! — нашёлся он, постанывая от жалости к себе, старому, больному, увечному....

— Кто? — живо заинтересовался незнакомец.

Он выпрямился во весь рост, отступил на шаг, но не принимал в процессе подъёма литературного мэтра с колен никакого участия, смотрел на него с высоты своего роста пустыми зеркальными глазницами отстранённо, будто исследователь, блошку под микроскопом изучающий.

— Да старуха, с клюкой... — плаксиво сообщил Ферапонт и,

понимая, насколько нелепо звучит его объяснение, добавил всё-таки. — Вот эта, которая здесь похоронена...

К его удивлению, незнакомец не отмахнулся, не посмеялся над откровениями неудавшегося поэта, а принялся уточнять.

— Вот эта, — указал он затынутым в перчатку пальцем на могильный холмик. — Василиса Митрофановна Мудрова?

— Она самая, — буркнул окончательно пришедший в себя и налившийся уже по самые уши привычной злобой в отношении окружающих Сбруев.

— Выскочила неизвестно откуда и ка-ак даст мне клюкой по башке! С набалдашником! С-сука!

При этом поэт украдкой глянул на свои мокрые штаны с растёгнутой ширинкой и попытался прикрыть беспорядок в личном туалете полой пиджака.

Однако человек в чёрном, не замечая телодвижений оконфуженного писателя, созерцал ещё какое-то время украшенную свежими венками могилу, бормоча:

— Покойница... Клюкой... Что ж, на Василису Митрофановну это похоже. С неё станется. Да только мёртвые из могил не встают и клюшками не дерутся... — А потом, оборотив свой взор на пострадавшего литератора, сказал утверждающе: — Вы ведь Ферапонт Сбруев? Известный писатель?

— Н-ну... да! Собственной персоной, как говорится, — склонил голову, представляясь, Сбруев,

одномоментно судорожно сообщая про себя, что это за хрен в чёрных, вычурных одеяниях, и что ему здесь, на кладбище, нужно.

— Вот вы-то мне и нужны! — будто прочтя его мысли, откликнулся незнакомец. И представился в свою очередь, не подавая, впрочем, руки: — Зовите меня Люций Гемулович. Я к вам сюда, в Колобродово, прямо из Москвы.

— И... чем обязан такому вниманию? — наклеив на лицо добрую улыбку, насторожённо поинтересовался у столичного гостя Ферапонт.

Люций Гемулович сложил руки на груди, выпрямился во весь рост картинно, так, что его чёрный плащ тонкой материи заколыхался от лёгкого дуновения ветерка, а от широкополой шляпы на лицо неудавшегося поэта упала тёмная тень. И провозгласил торжественно:

— Я — тот самый чёрный человек. Что являлся, как известно, многим пиитам!

— Да бросьте! — разочарованно отмахнулся от него, уловив насмешку, Сбруев. — Я думал, у вас ко мне серьёзное предложение... — А потом перешёл в атаку, заявив с присущим ему нахрапом. — Вы вот что. Прекратите хулиганничать и оставьте территорию кладбища. Здесь не положено!

— Что не положено? — искренне удивился незнакомец. — Погост — это общественное место. Или вы его... э-э... мнэ-э... как всю

региональную литературу, приватизировали?

Ферапонт ошетинился мигом:

— Ничего я не приватизировал!

Люций Гемулович в мгновение ока, ниоткуда, а скорее всего, из рукава плаща, извлёк толстенную, непостижимым образом уместившуюся там книгу. Сбруев сразу признал в ней «Антологию поэзии Южного Урала», изданную под его редакцией на средства областного бюджета в прошлом году. Солидный том с золочёным тиснением. Открыв его, человек в чёрном принялся читать предисловие: с выражением, чётко, как хорошо владеющий русским языком иностранец, проговаривая каждую букву.

— «Трудно переоценить выдающееся значение для южноуральской поэзии, литературы в целом, Ферапонта Сбруева. Не только гениального поэта, но и учителя, наставника многих поколений писателей... При жизни так даже о Пушкине, «нашем всё», не писали. А это ведь о вас, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь! — с вызовом откликнулся Сбруев. И предложил сердито: — А фокусы свои дурацкие не здесь, на кладбище, а где-нибудь в клубе, на сцене показывайте!

Люций Гемулович неуловимым движением спрятал увесистый фолиант в складках плаща, умиротворяюще поднял вверх обе руки.

— Полноте, батенька! Сцена, публика — это ваша стезя. — И заговорил вдруг совсем иным тоном

— тихо, мечтательно. — Помните, как вас принимала аудитория в молодости, пятьдесят лет назад? Слушатели из разных слоёв населения. Рабочие, колхозники, техническая интеллигенция. Гуманитарии, само собой. А вы — молодой, златокудрый, красивый, стояли на сцене и читали свои стихи. Вот эти, например, — и человек в чёрном принялся декламировать по памяти, не заглядывая в книгу: «Быть может, весна никогда не придёт, быть может, и снег никогда не растает...». Или вот это, из лично вами пережитого: «Я ночью пьяного раздел. А лютый был мороз!». — Закончив, причмокнул губами, сожалеючи. — Это из ваших ранних стихов. А поздних-то и вовсе написано не было! Ах, как вас принимали тогда! — всплеснул руками в лайковых перчатках Люций Гемулович. — Какое поэтическое будущее вам пророчили! Увы, не сбылось...

Сбруев слушал, насупившись, взирая на собеседника исподлобья, играя желваками. А человек в чёрном продолжал между тем:

— А знаете, почему вас так внезапно, безжалостно оставила муза? Потому что вы, Ферапонт, лодырь и жлоб. Да-да, не обижайтесь, — предупреждаяще выставил он перед собой руку, заметив, как дёрнулся воинственно престарелый поэт. — Что ж в вашем возрасте обижаться-то? Вам, любезный, пора и о душе подумать. Проанализировать, вспомнить тот день, когда вы поняли вдруг, что не хотите писать стихи. Не хотите больше напрягаться, вставая

из-за стола с дрожью в руках, с колотящимся сердцем, головной болью и шумом в ушах. И когда единственным способом снять это непосильное напряжение, стресс, оказывается стремление напиться до свинского состояния. И всё это ради пары строф, вымученных за несколько часов каторжного труда? А жить в достатке, комфорте и сытости очень хотелось. И это в итоге вам вполне удалось! — торжественно провозгласил Люций Гемулович. — Однако творческое бесплодие, необходимость всё время мимикрировать под настоящего писателя разъедала, будила ненависть к окружающим. И, я уверен, вы готовы душу дьяволу заложить за то, чтобы хотя бы к старости к вам вернулась способность к творчеству!

Сбруева перекосило всего. Он вдруг принялся крестить человека в чёрном, бормоча испуганно:

— Изыди, проклятый, изыди!

Однако Люций Гемулович лишь усмехнулся в ответ.

— Да бросьте вы, — пренебрежительно отмахнулся он от крестного знамения. — Мы же с вами материалисты и прекрасно знаем, что покойники не оживают лишь для того, чтобы треснуть поэта, хоть и бывшего, по голове, и дьявола, конечно, не существует... А вот человек, готовый помочь вам и вернуть утраченную способность к творчеству, есть. И этот человек — я.

И тут Сбруев вдруг неожиданно даже для себя зарыдал. И от отчаянья — о себе, любимом, он

всё уже давно знал, во всём признался себе без утайки. И от страха — странный человек его словно открытую книгу читал, в самые потаённые уголки души заглянул и будто наизнанку её, душу-то, или что там осталось на месте её, вывернул...

А таинственный собеседник вдруг шагнул к нему, положил руку на вздрагивающее от рыданий плечо вполне дружески, молвил отечески, успокаивающе:

— Ну, полноте, батенька, полноте... Слезами горю, как известно, не поможешь. А вот с помощью психотерапевтического сеанса — вполне возможно.

— Кто вы? — опасливо отшатнулся от нового знакомого Сбруев.

— Я представитель нефтяной компании, которая будет добывать нефть в вашем Заповедном бору. А по первой специальности — психотерапевт. Весьма, кстати, известный в определённых столичных кругах. И вам крупно повезло, что я решил из простого любопытства прогуляться здесь, в окрестностях села Колобродово, заглянул на это сельское кладбище... И вот вы вполне кстати оказались в нужное время на нужном месте. А я могу в два счёта решить вашу творческую проблему!

— Как? — с надеждой в голосе откликнулся Ферапонт.

Слёзы на его глазах мгновенно высохли, и он кулаком разом смахнул их остатки, вытер влажные дорожки на покрытых седой скрипучей щетиной щеках.

— Для специалиста проблемы наподобие вашей хорошо известны, — заговорил человек в чёрном, приблизив вплотную к лицу Сбруева свою бледную физиономию в зеркальных очках, в которых мелькнуло перекошенное, как на плохой фотографии, отражение неудавшегося поэта. — В данном случае чаще всего мы имеем дело с неким психологическим блоком, возникшем в силу... э-э... некоторых внутренних установок личности пациента. Снять его — минутное дело. Пустяк, не стоящий выеденного яйца. Сейчас мы это подкорректируем...

Ферапонт не очень понимал смысл сказанного таинственным собеседником. Он ошарашенно думал о том, что поразившая его творческое бесплодие напасть, пустившая всю его жизнь псу под хвост, заставлявшая десятилетиями притворяться, ловчить, толкаться локтями, чтобы не просто удержаться в творческой обойме, но и пробраться на самый верх провинциальной литературной иерархии, — всего лишь психологическая проблема, не стоящая выеденного яйца?! И её можно решить прямо сейчас, здесь, на кладбище? И, что немаловажно, совершенно бесплатно!

Сбруев подобрался, вытянул руки по швам, кивнул поспешно: — Я готов!

Вечерело. На тихий погост опустилась прохлада. Лёгкий ветерок перебирал веточки берёз и кустов отцветшей сирени над поросшими травой могилками. Прячась в

густой листве, чирикали беззаботно птички. Слышно было даже, как прошуршала мышка у ног. Всё было как всегда на склоне летнего дня. Однако именно сегодня здесь, на сельском кладбище, вершилось таинство.

Человек в чёрном протянул руки в перчатках, коснулся лица Сбруева. Провёл ловкими, как у пианиста, пальцами по остаткам волос на затылке, погладил шишку на макушке, куда приложилась клюкой старуха Мудрова, и болячка сразу перестала саднить.

— Закройте глаза. Не напрягайтесь. Расслабьтесь, — монотонно и успокаивающе ворковал Люций Гемулович. — Я пошло вам всего лишь несколько пассов...

Ферапонт вдруг почувствовал, как от рук нечаянного целителя повеяло... да что там повеяло, полыхнуло прямо-таки жаром. Горячая волна, возникнув там, где едва касались кожи пальцы в перчатках, устремилась под кости черепа, вибрируя, растеклась по обоим полушариям мозга, а потом, сконцентрировавшись мгновенно, будто раскалённой иглой пронзила всё тело вдоль позвоночника — от затылка до копчика. Сбруев ойкнул и содрогнулся. Услышал команду:

— А теперь откройте глаза!

Подчинился, прозрел и спросил, заикаясь от страха:

— Ч-то... что это было?

Люций Гемулович, отступив на шаг в сторону, смотрел на него удовлетворённо, словно скульптор на законченное только что

извояние. Пояснил, поблескивая слепо очками:

— Пустяки. Чакры почистил, открыл каналы для потока энергии, нейронные связи между стволом головного мозга и лобными долями восстановил. Тем самым вернул вам способности к творчеству. И теперь вы снова сможете писать стихи.

Сбруев ощупал недоверчиво затылок, остатки волос на темени, тронул покрытый испариной лоб, прислушался к своим ощущениям. И действительно, в голове прояснилось, стало легко и... беззаботно как-то. Словно стакан водки дёрнул без закуси. В то же время мысли приобрели необыкновенную чёткость, и стоило ему подумать о стихах, в мозгу будто бы фейерверк взорвался, осыпаясь звёздным дождём поэтических образов, готовых ритмических строк и мгновенно рождавшихся рифм.

Поэт зачарованно смотрел на своего избавителя, а тот вдруг полез куда-то в глубины чёрного, свободного покроя, плаща, извлёк пластиковый файл и золотую паркеровскую авторучку.

— Так-то, любезный. Долг, как известно, платежом красен. Услуга за услугу. Вот здесь, внизу, свою подпись черкните.

Ловко выдернув из пластиковой папочки листок, он протянул его Сбруеву.

— Что это? — настороженно взял в руки бумагу Ферапонт.

— О, это акт передачи вашей бессмертной души в моё вечное

личное пользование! — строго заявил человек в чёрном. А когда поэт отшатнулся в ужасе, засмеялся добродушно, искренне и до слёз. — Ох, уморил... поверил ведь! — и посоветовал весело: — Да вы текст-то прочтите. Это заявление представителей зеленоборской интеллигенции, преимущественно гуманитариев, с одобрением начала разработки нефтяного месторождения в Заповедном бору. Что, в свою очередь, приведёт к небывалому расцвету культуры и на территории вашего района, и во всей Южно-Уральской области!

Сбруев, всё ещё с сомнением поглядывая на бумажку, спросил недоверчиво:

— С чего бы? Ну, этот, как вы говорите, расцвет?

Люций Гемулович пояснил с готовностью.

— Деньги, дорогой пиит, увы, банальные деньги. Возьмём, к примеру, литературу. Вот вы, как признанный авторитет... гм-м... в южноуральской словесности, периодически клянчите в региональном министерстве культуры средства на издание очередного коллективного сборника. Ну, там к юбилею литературного объединения, ещё к какой-нибудь круглой дате... Поскольку вас знают, к вам прислушиваются, деньги, со скрипом, не в той сумме, в которой бы хотелось, всё же дают. Вы, как всегда, выступаете в роли составителя. Получаете, соответственно, вознаграждение за свои интеллектуальные труды. Имеете

возможность в бесчисленный раз на халяву издать полтора десятка своих стихов, а заодно выслушать каскад благодарностей от авторов, которых вы в этот сборничек включили. Ведь так? — он испытующе глянул на Сбруева.

— Ну, в общем-то, да... — вынужден был признать Ферапонт.

— А с началом работы на территории Заповедного бора нашей нефтяной компании ваши возможности в этом плане возрастут многократно! Вы, например, сможете осуществить давно задуманный вами грандиозный проект — издать серию книг, такую многотомную библиотеку произведений писателей, чья жизнь, творчество были как-то связаны с Южно-Уральской областью. От Даля, Державина, Карамзина, Пушкина до современных авторов. Причём именно вы, Сбруев, будете решать, кто из южноуральских поэтов и прозаиков достоин встать на книжную полку рядом с великими, а кто нет. Корсакова, например, я предлагаю из этого перечня исключить!

— Вы... вы тоже считаете его недостойным? Вы его читали? — изумлённо выгаращил глаза Ферапонт.

— Да-а... кое-что, бегло... — неопределённо пожал плечами Люций Гемулович. — В любом случае осуществление этого грандиозного проекта будет передано нами, нефтяниками, на откуп лично вам, Сбруеву. Как скажете, так и будет!

Ферапонт слушал зачарованно, а человек в чёрном продолжал вещать увлечённо:

— И заметьте, за каждый том вы, как редактор, будете получать «составительские». А это многие десятки, сотни тысяч рублей! С учётом того, что наш проект рассчитан на несколько лет, безбедная старость вам обеспечена.

Сбруев утер вспотевший от волнения лоб обмахрившимся от старости рукавом пиджака. Прищурился подозрительно:

— А стихи теперь я точно смогу писать?

— Да конечно! — всплеснул руками Люций Гемулович. — Да сколько угодно! Кстати, первое можете посвятить нам, нефтяникам. И прочесть на торжественном пуске нефтяной скважины в Заповедном бору. Что-нибудь вроде: мы нефтяников поздравляем и всего... трам-там-там, им желаем... ну, вам, как поэту, видней!

Сбруев опять глянул в листок. Там, под текстом обращения, уже стояли подписи известных в районе, заслуженных врачей, работников сферы образования, культуры. Нашёл свою фамилию с перечислением всех литературных регалий и, присев на корточки, уложив бумагу на коленку, черкнул витиеватую, с завитушками и вензелями, подпись.

Выпрямившись с кряхтением, вернул документ Люцию Гемуловичу.

Тот, ловко действуя своими затянутыми в перчатки, гибкими,

словно многосуставчатыми, пальцами, вставил листочек в файл и в мгновение ока спровадил куда-то в складки свободного, будто крылья гигантской летучей мыши, плаща. Молвил вежливо, тронув поля шляпы:

— Приятно было познакомиться. Позвольте откланяться... — и, шагнув с тропинки, исчез, растворился, растаял, словно призрак, в кустах привядшей от летней жары и маловодья черёмухи.

Впрочем, Сбруев и не следил за тем, куда отправился таинственный собеседник.

Радость переполняла его. Он знал наверняка, чувствовал, что к нему и впрямь вернулись способности к творчеству. Что там предложил человек в чёрном? Поздравление нефтяникам? Да запросто!

И Ферапонт продекламировал вслух строки, будто огненной вязью прописанные в его мозгу, мгновенно сложившиеся в стихи:

— Я нефтяников поздравляю

И всего, трам-там-там, им желаю!

Я желаю им, чтоб всегда

Э-э... нефтескважины были полны,

Чтоб минула уж всех их беда,

И чтоб были прекрасны их дни!

Заслышав громкий, похожий на воронье карканье голос поэта, птички, до того беззаботно щебетавшие окрест, замолкли разом испуганно.

А Ферапонт ликовал. Он только что, после полувекового молчания,

написал новый и, откровенно надо сказать, великолепный стих! Отлично скроенный, зарифмованный. Особенно вот это вот «трам-там-там» хорошо получилось. От самых глубоких поэтических народных традиций идущее... Строфа, гениальная в своей простоте, прямо пушкинская, надо честно признаться, строфа! И сейчас подобных строк и строф роилось в его голове тысячи! Теперь все недоброжелатели, много лет попрекавшие его отсутствием личного творчества, сдохнут от зависти!

И Сбруев опять зарыдал, шумно сморкаясь в смятый комком, накрахмаленный будто, от многократного употребления носовой платок. Плакал от счастья на этот раз.

18

Глеб Сергеевич проснулся далеко за полночь.

Ещё не открыв слепленных тяжёлой дремотой глаз, он со стыдом вспомнил, как плутал накануне в ужасе по Заповедному бору, как погостил у сумасшедшей старухи, которой он, как ни крути, а доводится единокровным племянником. Как рысачил потом по лесной тропке вслед за дурацким клубком шерсти, который, как намагниченный, катился сам по себе шустренько и вывел-таки прямо к парадному крыльцу усадьбы, светящейся приветливо в ночь окошками. После чего, скакнув, исчез, юркнув, словно мышка в травку.

Вполне вероятно, назад, в избушку, помчался.

Не распространяясь особо о своих приключениях в дебрях дикого бора, Дымокуров сытно поужинал под пристальным, угадывающим любые его желания взглядом домоправителя Еремея Горыныча, а потом, сославшись на усталость, отправился почитать в отведённую ему спальную комнату.

И вот теперь, пробудившись среди ночи, вспомнив такой насыщенный событиями вчерашний день, Глеб Сергеевич, что называется, разгулялся.

Он лежал тихо, стараясь не думать о стоящем под кроватью ночном горшке, и страдал.

Никогда прежде, за всю свою шестидесятилетнюю с гаком жизнь, он не чувствовал себя так глупо.

Дымокуров был человеком рациональным, убеждённым атеистом. Последнее, впрочем, не афишировал с учётом нынешнего тренда в федеральной политике. В церкви бывал по случаю, за компанию с кем-то, свечки перед ликами святых не ставил, никогда не молился. В чертовщину всякую, сглазы да порчи он тоже не верил. Смотрел на окружающую действительность с точки зрения здравомыслящего человека, полагая, что всякому, даже самому невероятному на первый взгляд, явлению, есть вполне научное объяснение.

Хотя и чудес-то особых здесь, в имени, он, если подумать, не видел воочию. Какие-то разговоры

о тысячелетнем долгожительстве, умение «отводить глаза», медведь этот пьяный... Да, ещё ступа, якобы летающая, — но полёт этот наверняка осуществлялся только в болезненном воображении домочадцев усадьбы. Вот только клубок-навигатор, скакавший сам собой по лесной тропинке... А может, никакого клубка и вовсе не было? Может, он только привиделся? Опять же, бабка эта полумная в избушке гадостью какой-то напоила. А клубочек этот, за которым скакал сквозь буреломы, ему лишь мерекался?

Глеб Сергеевич, вздохнув тяжело, перевернулся неловко на податливой, жарко обнимавшей его пуховой перине со спины на бок. Всё тело после непривычной физической нагрузки с плутанием да беготнёй вчерашними болело. И галлюцинации, вызванные бабкиным пойлом, продолжались.

Ибо чем другим объяснить то, что увидел Дымокуров, повернувшись лицом к окну?

А увидел он такое, что ущипнул себя за предплечье, чтобы проверить — не спит ли, и не снится ли ему кошмарный, ужасный сон?

Из-за оконного стекла, в прогал между не задёрнутыми до конца шторами на него пялилась жуткая образаина.

Существо было похоже на летучую мышь, только гигантскую, ростом с взрослого человека.

Это нечто висело за окном непостижимым образом — вниз головой, при этом чёрная широкополая

шляпа не сваливалась с его макушки, будто приклеенная, и пялилось на отставного чиновника красными, пылающими, словно два уголька, глазами. И постукивало, скребло по стеклу длинными, червеобразными, когтистыми пальцами. А потом, усмехнувшись и оскалив белоснежные зубы-клыки, нечто ткнуло себя указующим перстом в грудь, затем указало на обомлевшего Глеба Сергеевича и опять с противным визгом скребнуло когтями по стеклу, недвусмысленно давая понять — пусти, мол.

Такого рассудительный и рациональный Дымокуров уже не смог вынести.

Взвизгнув, он одним движением откинул тяжёлое ватное одеяло, кубарем скатился с кровати и как был — в пижаме и босиком — вылетел из спальни в тёмный коридор.

Здесь, что естественно, никого не было в этот час. Однако в самом конце, ближе к гостиной, светился проём не захлопнутой плотно двери, ведущей в комнату, в которой обитал Еремей Горыныч, если Глеб Сергеевич не ошибался. И оттуда доносились приглушенные, едва различимые в ночной тишине голоса.

Дымокуров остановился в нерешительности, дыша запалённо, потирая ладонью грудь и пытаясь успокоить колотящееся испуганно где-то под самым горлом сердце. Крашенный пол охлаждал ноги, казался ледяным, что немного привело в чувство отставного чиновника.

— Ты зачем его по бору плутать-то заставил? — донеслось вдруг из-за двери до Глеба Сергеевича явственно. Вопросила незнакомая женщина. Голос её звучал сурово, властно и требовательно. Новый владелец усадьбы, как ни был напуган, нашёл в себе силы, замерев, прислушаться с любопытством.

— Дык, пуцай, думаю, погуляет... — забасил, оправдываясь, невидимый из-за двери мужик, в котором Дымокуров без труда распознал Якова. — Ну и вааще... пошутковал малость. Уж больно смешно он «ау!» кричал. Будто резаный. Заблудился, ити его мать, в трёх соснах!

Отставной чиновник сразу понял, что речь идёт о нём, а потому стал слушать ещё внимательнее.

— Пошутковал он, вишь ли... — продолжала отчитывать Якова неизвестная, а потом переключилась на другого невидимого собеседника. — Ну а ты-то, Ягода наша малинка, что ему своим язычком без костей наболтала-поведала? Небось запугала чудесами разными до икоты?

— Я-то? — как ни в чём ни бывало отозвалась хозяйка лесной избушки. — Да ничо особенного. Раболаторию свою показала...

— Лабораторию! Сколько раз повторять! — строго поправила её невидимая собеседница.

— Ну да. Я и говорю: лабалаторию показала, — словоохотливо поправила бабка. — Покалякали о том, о сём. В чувство привела, отварчиком попользовала

болезного. Ну и проводила домой от греха...

— Знаю, как ты его проводила. Сама-то идти поленилась, навигатор всучила. Что он подумал, интересно, когда за клубком шерсти по лесу бежал? Что он Иван-дурак из русской народной сказки?

— Я думаю, настало время ему всё как есть обсказать, — вступил в диалог молчавший до сих пор домоправитель Еремей Горыныч. — Парень он смыслённый, поймёт всё правильно...

— Рано! — сказала, как отрезала, обладательница властного голоса. — Пусть ещё чуток пообвыкнется. Да и мы должны лучше к нему присмотреться...

Глеб Сергеевич, млея, слушал этот, касающийся его персоны самым непосредственным образом, разговор, и в нём подспудно, сменяя только что пережитый ужас от увиденного за окном, поднималась багровой волной благородная ярость.

Уже не владея собой, он с раздражением распахнул пинком босой ноги дверь перед собой, шагнул внутрь и, зажмурившись от непривычно яркого света электролампочки под потолком, заорал негодуяюще:

— Что, чёрт возьми, здесь происходит?! Где я нахожусь? В сумасшедшем доме?! И что за картина висит вниз головой за окном моей спальни, корчит рожи и когтями скребётся?!

— Вот те нате, из-под кровати! — охнула растерянно баба Ягода.

А всё тот же командный голос женщины, неразличимой для

Дымокурова из-за света, режущего нещадно глаза, распорядился властно:

— Ну-ка, Яков, глянь быстро, кто там на улице!

— И зачем только я Потапычу, забулдыге этому, по ведру овсянки каждый день варю! — возмущённо запрочитала повариха Мария, которую Дымокуров узнал сразу. — Усадьбу он, вишь ты, охраняет! Небось, наакался браги, дармоед, и дрыхнет где-то в кустах. А тут — приходи в дом, кто хочет, бери, что хочет... Лучше б кобеля сторожевого завели!

— Да, кобеля тебе только и не хватало! — раздражённо парировал Яков, выбегая из помещения и отодвигая плечом застрявшего у дверей Глеба Сергеевича. — За муж бы тебя скорее выдать, в миг бы хвост-то прижала...

— Цыть! — окоротила зычно спорщиков таинственная командирша.

Дымокуров, наконец, разлил слезящиеся веки, оглядел комнату.

Перед ним, восседая в глубоком кожаном кресле за письменным столом домоправителя, заваленным по обыкновению стопками счетов, квитанций, с открытым ноутбуком, предстала покойница, чей грозный портрет до того лишь пристально взирал на Глеба Сергеевича со стены.

Василиса Митрофановна Мудрова.

Как говорится, собственной персоной, живёхонькая и всё такая же царственно властная.

Выглядевшая, между прочим, несмотря на преклонный возраст,

живее всех живых, собравшихся в этот поздний час в кабинете Еремея Горыныча.

— В-вы?! — изумлённо выдохнул Дымокуров.

Тётка внимательно осмотрела его, всклокоченного, и заметила с грустной улыбкой:

— Ну а теперь, Глебушка, всё совсем непонятно, да?

Глеб Сергеевич, обезоруженный этим её спокойным, домашним тоном, сдулся мигом и опустился обессиленно на стул, освобождённый бесстрашно бросившимся в ночную мглу разбираться с отвратительным визитёром Яковом.

Опустил обескураженно голову: так, мол...

Он искоса оглядел кабинет. Вся дворня собралась здесь в полном составе. Еремей Горыныч, баба Ягода, Мария, эти, двое, как их, Семён с Соломоном... А ещё покойница, которую схоронили неделю назад и чьё имущество якобы унаследовал горячо любимый племянник... Или не унаследовал, как сейчас выясняется?

Вернулся Яков, хлопая отворотами своих неизменных бродней, пояснил хмуро:

— Никого. Но нежитью крепко пахнет.

— Значит, и Упырь здесь, — кивнула понимающе Василиса Митрофановна. — Как же в таком деле — и без него? Небось, он-то всю эту кашу и заварил...

— Э-э... какой упырь? К-какую кашу? — подал голос замороченный Дымокуров. — Объясните, наконец, что здесь у вас происходит?

Тётка посмотрела на племянника пристально своими удивительно голубыми, бездонными прямо, всё понимающими глазами, успокоила, будто дитё малое:

— Непременно всё объясню, Глебушка. Только разговор тот долгим получится... — А потом вдруг добавила буднично, совсем по-домашнему: — Ты бы пошёл в спальную, тапки обул. А то ноги на крашеном полу застынут.

Отставной чиновник представил, как выглядит сейчас со стороны: опухший от сна, со свалывшимися в пук волосами, босой... однако мялся, поскрипывая «венским» стулом с витыми ножками.

— А, тебя Упырь смущает! — догадалась Василиса Митрофановна. — Не бойся. Его уж, поди, и след простыл. Он с нами в открытую связываться опасается. Да и не зайдёт он в дом, пока его хозяин не пригласит.

— И-и... почему? — хотя в голове его клубился сонм других вопросов, полюбопытствовал Дымокуров.

— Так истари повелось, — пожала плечами тётушка. — Такие уж у них, вурдалаков-упырей, стародавние принципы...

Глеб Сергеевич поднялся, прощёлёпал босыми ногами в спальную, у порога остановился нерешительно. Прячась за дверным косяком, выглянул осторожно, изучая подсвеченное полнолунием окно. За стеклом никого не было. Шагнул в комнату, быстро нашарил на стене выключатель. Люстра под потолком ярко вспыхнула, залив

помещение электрическим, вполне цивилизованным и прогрессивным, не оставляющим места для теней, всяческой нежити и прочих суеверий светом.

Снял со спинки стула свежую рубашку, натянул хлопчатобумажные брюки, носки. Нашарил под кроватью привезённые с собой шлёпанцы — такие родные, домашние, надёжные в окружающей его здесь странной, непривычной и непонятной реальности.

Первая мысль, возникающая в его замороженной голове, когда он остался в одиночестве, один на один с собой, была вполне рациональной: бежать! Вот прямо сейчас, собрав быстро вещички. Переобувшись и прихватив шлёпанцы, выбраться из дома и напрямки по дороге, тут не заблудишься — прочь от этой погрязшей в чертовщине, населённой странными, сумасшедшими людьми усадьбы! До Колобродово — полчаса быстрой ходьбы. А там нанять водителя, деньги-то есть, и — в Зеленоборск, на вокзал. А может — невелика трата, подрядить таксиста или частника — и рвануть прямо в Южно-Уральск. Через пару-тройку часов дома будет. В своей уютной и безопасной городской квартире. Подальше от этого чёртова бора, воскресших покойниц, медведей-пьяниц, упырей и прочего морока...

Однако, чуть успокоившись, Глеб Сергеевич рассудил здраво: путь из имения к цивилизации, к людям, пролегал по лесной дороге, где сумрачно даже днём,

а сейчас, ночью, и вовсе темно, хоть глаз выколи. И никаких фонарей. Опять же, эта образина, в окно заглянувшая, — не галлюцинация, отставной чиновник был в этом уверен. А вполне материальное существо с красными глазами убийцы. И сейчас оно, или она, вполне вероятно, бродит где-то неподалёку в чернильном мраке, голодно лязгая своими клыками и хищно шевеля длинными, когтистыми лапами...

Ни в каких упырей и прочую чертовщину Дымокуров, конечно, не верил, но кто знает, до какой степени умственной и физической деградации могли прийти некоторые из здешних аборигенов за долгие годы изолированности от людского сообщества, беспробудного пьянства, близкородственных, а может, и кровосмесительных связей?! По крайней мере, у всей дворни признаки некоторого психического расстройства налицо. Одна баба Ягода со своей летающей ступой чего стоит! Да и Василиса Митрофановна... это ж надо — мёртвой прикинуться, потом воскреснуть. Нормальным людям такого в голову не придёт!

Впрочем, форма помешательства у обитателей усадьбы, похоже, тихая, буйства пока не замечено. А потому, соображал Глеб Сергеевич, безопаснее будет всё-таки провести остаток ночи здесь, в имении, за беседой с ясноглазой тётушкой и её дворней. Не переча, не опровергая любой бред, который они будут нести. Это, как вычитал в своё

время где-то отставной чиновник, главный принцип общения с душевнобольными. Не спорить, не возражать, а выслушивать внимательно, какую бы ахинею они ни несли, соглашаться, поддакивать.

А утром, едва рассветёт, с первыми петухами — прочь отсюда. И пропади оно пропадом, это беспокойное наследство, эта законсервированная во времени усадьба и её полоумные обитатели...

19

Пока же, переодевшись для серьёзного разговора, Глеб Сергеевич вернулся в кабинет Еремея Горыныча.

Дворня в полном составе во главе с новопреставленной и возродившейся из небытия Василисой Митрофановной ожидала его здесь с видимым нетерпением. Все расселись рядком по левую и правую сторону от воскресшей хозяйки, судя по всему, несколько не смущённые этим чудесным фактом, словно к фотографированию на память для семейного альбома приготовились.

Свободный стул для Дымокурова поставили наособицу, прямо перед собой, туда, где при фотографировании располагается мастер с фотоаппаратом. Или арестованный для допроса — можно было и так рассудить.

Пребывавший в раздражении и смятении отставной чиновник опустил грузно на отведённое ему место, глянул на дворню с вызовом.

Начала разговор, как и предполагалось, тётка Василиса Митрофановна.

— Я понимаю, Глебушка, как удивлён и обескуражен ты сейчас всем случившимся, — молвила она размеренно, нараспев, будто сказку дитю-несмышлёнышу сказывая.

— Не то слово, — буркнул угрюмо племянник.

А тётка между тем продолжала:

— Прежде всего, чтобы исключить всяческую мистику, заявляю ответственно: я, конечно, не умерла. Отсиделась в избушке, у сестры моей родной, известной тебе как баба Ягода.

При упоминании своего имени та привстала со стула, раскланялась кокетливо.

— Едва тебе на глаза не попалась, когда ты в лесу заблудился, — рассказывала Василиса Митрофановна. — Пришлось срочно... э-э... в ближайшие кусты эвакуироваться.

— Тогда эта ваша мнимая смерть на аферу криминальную похожа! — забыв, что обещал себе не перечить, заметил с раздражением Дымокуров. — Зачем вся эта возня с моим приездом, вступлением в наследство?

— Не перебивай старших! — окоротила его тётушка властно. Потом, вздохнув, продолжила повествование прежним тоном: неторопливо и ласково. — Чтобы тебе понимать, Глебушка, что здесь и сейчас происходит, необходимо вернуться в прошлое. Тысяч этак на сто назад.

«Ну-ну, ещё одна археолог-любитель», — подумал про себя отставной чиновник, вспомнив, кстати, неугомонного Рукобратского.

Дымокуров скосил глаза на дворню. Все сидели чинно, плечом к плечу, положив на колени большие, натруженные руки, внимали, пристально и преданно глядя на свою предводительницу. А Соломон... а может, Семён, чёрт их разберёт, этих двойняшек-дылд, так даже рот открыл, заворожённый.

«Действительно, секта! — согласился мысленно Глеб Сергеевич с мнением хранителя провинциального музея. — А Василиса Митрофановна у них вроде наставника, гуру...»

— Так вот, сто тысяч лет назад, ещё до эпохи оледенения, — вещала тётка, — в здешних местах уже жили люди...

— С удлинёнными черепами? Знаю, мне Рукобратский рассказывал, — заметил отставной чиновник.

— Рукобратский твой дилетант и балабол, — решительно пресекла попытку племянника перевести монолог в диалог Василиса Митрофановна. — Сто тысяч лет назад здесь, на территории, известной сейчас как Заповедный бор, жили люди, которые, строго говоря, с научной точки зрения, генетически, людьми в нынешнем понимании этого слова не являлись. Ибо к гомо сапиенсу, человеку разумному, как биологическому виду, они не относились. К неандертальцам, впрочем, тоже.

Хотя в смысле разума превосходили всех человеческих предков, вместе взятых.

Дымокуров заёрзал было, порываясь уточнить, в какой связи находится это запредельно отдалённое прошлое с его фиктивным вступлением в наследование поместья, но вовремя прикусил язык. Вспомнив, что с умалишёнными следует поддерживать беседу на равных, терпеливо выслушивая и не перебивая чокнутых оппонентов.

— Сейчас-то вы, люди, знаете, что человека разумного на планете много тысячелетий назад насчитывалось несколько видов. Наш, например, — Василиса Митрофановна кивнула на сидящих смирно, как первоклашки за партами, домочадцев, — обитал здесь задолго до того, как из Африки началась миграция отдельных особей гомо сапиенса. Хотя, положила руку на сердце, разумными-то были как раз мы, а не ваши наглые, злые, отличающиеся повышенной агрессивностью, не брезговавшие каннибализмом предки...

Дворня закивала дружно и энергично, Яков даже сжал кулачищи грозно — будто к драке с этими самыми гомо сапиенсами-людоедами изготовился. Все домочадцы заволновались, засопели разом рассерженно, словно то, о чём повествовала Василиса Митрофановна, случилось не тысячу веков назад, а только вчера.

— Наш вид всегда жил в ладу с природой, со всей флорой и

фауной, населявшей тогда планету. Мы брали от природы лишь столько, сколько нам было необходимо для поддержки собственного существования. При этом, по возможности, старались возвращать взятое. Срубил дерево — посади или дай возможность вырасти новому. Убил зверя — но только тогда, когда есть хочется, желательно больного, ослабленного...

Глеб Сергеевич пожал плечами:

— Ну, эту идею у нас и сейчас пропагандируют. Гринписовцы, например...

— Да, есть среди миллиардов представителей человека разумного действительно разумные особи, — согласилась Василиса Митрофановна. — Однако их, согласись, Глебушка, ничтожный процент от числа тех, кто стремится к безудержному потреблению. И готов ради этого в буквальном смысле сожрать планету, уничтожив среду своего обитания. Разумным это, мягко говоря, назвать нельзя...

Отставному чиновнику, невыспавшемуся, раздражённому, изрядно надоел этот полуночный экологический ликбез, но он кивнул терпеливо, поддерживая видимую заинтересованность в разговоре:

— А вы, значит, другие?

— Другие, — подтвердила тётушка. — Вы вот, человеки, с позволения сказать, разумные, всё инопланетян ищите в далёком космосе. Братьев по разуму. А не видите того, что под носом у

вас братья по разуму давно, испокон веков, обитают. И в воде, и на суше. Только разум у них, у нас, то есть, другой. Мы просто живём, радуемся каждый своему отпущенному природой сроку — и бабочка-однодневка, и черепаха трёхсотлетняя. И ваши заморочки, ваши безграничные потребности нам просто неинтересны. Вы о контактах с инопланетными цивилизациями мечтаете. Считаете это высшим достижением своего прогресса. А того не понимаете, что вы, в том качестве, в котором вы пребываете, никаким инопланетянам на фиг не нужны! Разве, если только подобных себе, злобных дебилов, в космосе повстречаете. Ну, тогда вам всем вообще мало не покажется...

И хотя Глеб Сергеевич обиделся за весь человеческий род, виду всё же не показал:

— И... что, ваш э-э... вид намного старше человеческого?

— На многие тысячелетия. Мы вас, людей, в развитии на пятьдесят тысяч лет, как минимум, обогнали. И что, нужны вам наш опыт и мудрость? — Василиса Митрофановна усмехнулась горько, и сама ответила. — Нет! Если бы мы не сторонились вас, по лесам да другим малодоступным местам не прятались, вы бы давно нас уничтожили, как биологический вид. Как сотни, тысячи других видов уничтожили, вытоптали, заравили, сожрали...

Незаметно для себя Дымокуров увлёкся беседой, забыв об осторожности, возразил запальчиво:

— Ну и где же следы вашей стотысячелетней цивилизации? Те, что человек оставил, и не сто, а, скажем, тридцать, десять, пять тысяч лет назад, до сих пор можно видеть. Рисунки наскальные, Стоунхендж, пирамиды египетские. Таблички глиняные шумерские. А от вас-то что на земле осталось? Череп деформированный, который краевед Рукобратский в кладовке музея прячет?

Тётка вздохнула, объяснила, как несмыслённицу:

— Да земля и осталась! В целости и сохранности. Со всем разнообразным, обитающим на ней растительным и животным миром! Какие следы в вашем, человеческом понимании, останутся, например, после дельфинов? Или шимпанзе? От слонов, тигров, голубей, аистов? Ну, ладно, это я о животных, неразумных, по вашему мнению, говорю. А вот неандертальцы. Они до вас, гомо сапиенсов, пятьдесят тысяч лет жили. И что оставили? Рисунки наскальные, каменные орудия труда. Ничего в экологии не нарушив, ничем природе не навредив. А вы, человечество, за каких-то пять тысяч лет планету едва ли не до основания разрушили, исковыряли, реки высушили, каналы прорыли, леса вырубili... Стоунхендж — это ещё цветочки. Дай вам срок — вы всю поверхность земли в бетон и асфальт закатаете, недра вычерпаете, воду отравите. Всё мусором, ядовитыми отходами своей жизнедеятельности

завалите. Если не взорвёте до того к чёртовой матери!

Глеб Сергеевич заступился за соплеменников:

— Наша цивилизация развивается! У нас — научный прогресс! За те же самые пять тысяч лет мы от каменного топора до атомных электростанций, космических кораблей продвинулись! А по-вашему, надо было оставаться в лесах, ходить гольшом с дубиной, спать на деревьях или в пещерах?

— Прогресс... — с презрением повторила Василиса Митрофановна. — А во имя чего? Зачем вам, людям, то, что вы научно-техническими достижениями называете, прогрессом, понадобилось? О-о, я скажу тебе, дорогой племянничек. Конечная цель всех ваших достижений, ради которых вы собственную среду обитания уничтожаете, по большому счёту заключается в том, чтобы мягко спать да сладко жрать! И при этом, в идеале, самим ни черта не делать. Ну, может, на кнопки нажимать. — Тётка не на шутку распалилась. — Вы цивилизация паразитов, сосущих соки из живого организма планеты и тем самым убивающие нашу планету!

Василиса Митрофановна разволновалась, раскраснелась. Домочадцы, до того ловившие заворожённо каждое её слово, уставились теперь дружно на Дымокурова, с неприязнью и возмущением взирая на него, как на типичного представителя вредоносных гомо сапиенсов.

Глеб Сергеевич спохватился, вспомнив данное себе обещание не перечить и не раздражать, а потому решил снизить накал полемики, переведя разговор в иное русло:

— Ну, хорошо, Василиса Митрофановна. Из вашего рассказа я понял, что тот вид... э-э... человечества, который вы представляете, обитает на планете около ста тысяч лет. Но... чем вы занимались все эти века и тысячелетия? Может быть, мифические атланты, гиперборейцы, — это и есть вы? В смысле, представители вашего вида?

— Нет, — решительно мотнула головой тётка. — Ты приводишь в пример древнейшие, забытые цивилизации, созданные вами, гомо сапиенсами. Увы, страдавшие всеми теми же пороками, что мы наблюдаем и в вашем современном мире. Алчностью, агрессией. Стремлением доминировать. А потому изобретать всё новые орудия для войн, сражений, убийств, для удовлетворения своих безграничных, растущих бесконечно потребностей — всего того, что у вас, людей, принято называть прогрессом. Потому и погибших. А мы... мы просто жили. Как дельфины в море, антилопы в прериях. В ладу с самими собой и природой. Постигали окружающий мир, не стараясь переделать его под себя, на свой лад. Учились понимать язык животных и даже растений. Использовать эти знания в быту. Это, между прочим, представители

нашего вида объяснили вам, гомо сапиенсам, что животных можно приучить, одомашнить, а не сразу сжирать. Это мы научили вас сеять и выращивать злаки — пшеницу, ячмень, кукурузу, картофель, вести селекцию фруктов и овощей. А не просто ломать, вырывать с корнем, рубить и выкапывать, а потом совать в рот и поедать всё, что кажется съедобным. Вы тогда нас богами почитали, но... потом, как говорится, оказались сами с усами. И наших представителей, сеявших в ваших душах доброе, разумное, вечное, изгнали. Некоторых казнили, перед тем, в соответствии с кровожадностью вашей натуры, изрядно помучив. Мы удалились, ушли в малодоступные места, жили незаметно и тихо, не привлекая внимания. Так вы ведь везде до станете! Вот и очередь Заповедного бора пришла. Но... нам отступать больше некуда. Это — наш последний рубеж, окоп, который мы не оставим и вам, людям, не отдадим!

Василиса Митрофановна вздохнула, и все домочадцы в унисон ей выдохнули разом, соглашаясь и потупясь сурово. А Глеб Сергеевич представил вдруг, как дворня, отрыв окопы в полный профиль и заняв оборону на опушке бора, и впрямь отстреливается до последнего патрона от наступающих супостатов, обвязавшись гранатами, под танки бросается, а что? С них, фанатиков, пожалуй, и станется!

И вновь, уводя тётушку от столь эмоциональной темы, Дымокуров, соблюдая максимальную осторожность и такт, полюбопытствовал тем не менее:

— И всё-таки непонятно мне, Василиса Митрофановна, я-то для чего вам понадобился? Зачем эта театральная постановка с мнимой смертью, наследством?

Тётка будто смутилась чуток, призналась виновато:

— Приходится, знаешь ли, Глебушка, периодически умирать. С последующим воскрешением, так сказать, в другой ипостаси. Нынче я беженка из Донбасса, у которой документы в хате сгорели, одна справка из сельсовета на руках осталась. Зовут меня по справке той Лидия Маркиановна, шестидесяти восьми лет. Родственников нет. Жилья нет. Спасибо, вот добрые люди здесь, в Колобродово, приютили... Еремей Горьныч паспорт и российское гражданство мне выправляет. Теперь ещё лет на тридцать пять — сорок этой легенды хватит...

— Но для чего? — удивился племянник. — Зачем эти шпионские страсти в ваших летах? Легенда, фальшивый паспорт...

— Не фальшивый, а настоящий. Взамен утраченного, — строго поправил домоправитель.

— А что ты, милоч, посоветуешь? — улыбнулась Василиса Митрофановна, она же Лидия Маркиановна, взирая на Глеба Сергеевича своими лучистыми голубыми глазами. — Объяснять

всем, что я за пятьсот лет до Рождества Христова на свет появилась?

«Ну, вот... опять поехала... — обречённо подумал Дымокуров. — А ведь со стороны посмотришь — с закидонами, конечно, но вполне нормальная, здраво рассуждающая дама в преклонных летах...»

— Как женщина могла бы и промолчать, про возраст-то, — встряла баба Ягода. — Напомни ишшо, што я на семьсот пятьдесят четыре года старше тебя. Вот этими вот руками, — словно в доказательство, протянула она к отставному чиновнику заскорузлые ладони с искривлёнными старческим артритом пальцами, — в люльке тебя качала!

— А-а, так, стало быть, и у вас документы, удостоверяющие личность, поддельные? — подыгрывая ей, будто бы поверив в рассказни о запредельном долгожительстве, заметил Глеб Сергеевич.

— А нетути у меня никаких документов! — не без гордости заявила бабка. — Кому я, старуха, нужна? Живу в лесу, никого не трогаю, в люди не выхожу. Кому понадоблюсь — те сами ко мне приходят... Пензии, правда, тоже нет, — с сожалением причмокнула она губами. — А мне ведь не простая, пензия-то — ветеранская положена. У меня трудового стажа две тыщи лет!

Дымокуров покивал ей сочувственно. Дескать, и впрямь, какая несправедливость! А потом полобопытствовал у Василисы

Митрофановны, поддерживая видимость интереса к беседе:

— И... как же вам удаётся так долго жить? Секрет знаете? Травки, корешки какие-нибудь целебные употребляете?

— Просто гены, — коротко, не вдаваясь в подробности, пояснила та.

И Глеб Сергеевич опять закивал торопливо: ну да, конечно же! Гены! Что может быть проще?!

— И... всё-таки, я-то вам зачем понадобился? — ввинтил-таки он давно мучающий его вопрос.

Тётушка внимательно посмотрела ему в глаза.

— Мы, Глебушка, долгожители, но не вечно живём. И проблема наследника не сейчас, так лет через двести-триста вполне может возникнуть. А тебе — сколько сейчас? Шестьдесят два? Ну, ты вообще ребёнок, дитя неразумное в сравнении с нами. Вот и решили мы присмотреться к тебе, подготовить, так сказать, к предназначенной миссии...

«О, чёрт! — предположил с ужасом Дымокуров. — Может, они, сектанты, жертвоприношения практикуют? Человеческие?! Так вот для чего я им нужен?!»

Однако тётка продолжила, успокоив:

— Нам, — обвела она рукой домочадцев, — как раз такой человек, как ты, нужен. Хорошо разбирающийся в современном мире, знающий людей. И чтобы в то же время был нашей крови. Кроме того, — запнулась она, буд-то не желая выдавать племяннику

сразу все свои секреты, — есть в тебе некая сила. О которой ты не знаешь и даже не догадываешься пока... А наша задача — силу эту, способности... э-э... уникальные, в тебе пробудить, развить да на благое дело использовать.

— И... какое дело? — насторожился опять Глеб Сергеевич.

— Планету нашу спасти, — буднично, как о чём-то само собой разумеющимся, сообщила Василиса Митрофановна.

«Ни фиги себе, планы у них! Вселенского масштаба!» — обескураженно соображал Дымокуров. А потом чуток успокоился. Хорошая новость состояла в том, что приносить в жертву и ритуально поедать его обитатели усадьбы, похоже, всё же не собираются.

А потому он принялся отнекиваться, потупясь смущённо:

— Спасибо, конечно, за доверие... но я человек пожилой, пенсионного возраста. Гипертония артериальная у меня, на кардиограмме изменения в сердце... аритмия какая-то... Вам ведь наследник-долгожитель нужен, а мне при самом хорошем раскладе лет двадцать этой жизни осталось... с наследственностью тоже проблемы. Никаких долгожителей, мафусаилов век проживших. Мама обыкновенной женщиной была, умерла семидесяти пяти лет от роду. Отца я не помню. Он из семьи рано ушёл. Вам, Василиса Митрофановна, лучше знать, что с ним случилось. Вы же мне тётушка по отцовской линии. Наверное, папаша моего давно уж на свете нет...

— Да вот он сидит, живой и здоровый, — улыбнулась тётка.

И указала пальцем на Еремея Горыныча.

20

И разговор этот, и последующее за ним воссоединение якобы с блудным папашей оставили у Глеба Сергеевича тяжкие впечатления.

Понятно, что никаких радостных объятий с вновь обрётённым отцом не последовало. Домоправитель, чей возраст никак не мог превышать семидесяти с очень коротким хвостиком, будучи старше объявленного сыном Дымокурова лет на десять максимум, в родители ему никак не годился. Здесь уж разлюбезную тётушку занесло сверх всякой меры. А потому, услышав эту новость, и Еремей Горыныч остался сидеть, прилепившись к стулу с конфузливой улыбкой на чисто выбритом, лишённом какой-либо растительности, как у рептилии, лице, да и Глеб Сергеевич принял это известие без восторга, разве только ещё больше укрепился в своих намерениях бежать из этого дома. И чем скорее, тем лучше.

Однако, поскольку ещё стояла глухая ночь, ничего, кроме сна, в ближайшие часы планировать не следовало.

Поэтому Глеб Сергеевич, распахнув настежь окно — в комнате было невыносимо душно, да ещё эта проваливающаяся под ним податливо пуховая перина, толстенное, как бетонная плита,

тёплое одеяло, — раздевшись до трусов и нательной майки, погасив свет, рухнул без сил на кровать.

Измотанный физически, переполненный новыми впечатлениями, он долго лежал без сна. Слегка колышущий шторы ночной ветерок приятно овеивал разгорячённое тело. Ворочаясь с боку на бок, Дымокуров осмысливал, переваривал вновь услышанное от тётушки.

Более всего смущала его неуклюжая попытка обитателей усадьбы навязаться ему в кровные родственники. С какой целью, зачем?

Больших денег, несмотря на расхожее мнение о чиновниках, он никогда не имел. Взятки не брал, да ему, рядовому исполнителю, их и не предлагали сроду. За что? За прочувственный, звучащий, как стих, поздравительный адрес? За доклад, посвящённый инвестиционной привлекательности региона? Хотя жалование, довольно щедрое по нынешним временам, надо честно признать, аккуратно платили.

Однако те сбережения, что накопил он на старость, могли привлечь внимание разве что мелких мошенников, разводящих пенсионеров на разные БАДы и чудодейственные медицинские приборы, будто бы возвращающие молодость и здоровье. Но никак не постановку такого вот грандиозного спектакля с мнимым наследованием набитого дорогушцем антиквариатом имения.

А может быть, их цель — его двухкомнатная городская квартира? — озарило вдруг Дымокурова.

А что, вполне возможно! Нынче за квадратные метры жилплощади вообще убивают. А в его владениях — лакомый кусок. «Двушка» на четвёртом этаже, с балконом, почитай, в самом центре города. Сколько сюжетов на эту тему по телевизору показывали! Охмуряют человека, затягивают, к примеру, в секту, где всё имущество якобы общее. И — чик! Первым делом — от прав на жильё откажись и на нужды религиозной организации передай!

И здесь вполне вероятен такой исход. Объявить родственником, пообещать богатое наследство, а потом каким-то хитроумным способом квартиру и выманить! И останется он до конца дней своих в этой усадьбе, на огороде с мотыгой горбатиться, из-под свиней навоз чистить, — за миску похлёбки и крышу над головой...

«Не-ет, — раззадорив, накрутив себя, размышлял далеко за полночь Глеб Сергеевич, — не на того напали! Впаривайте кому-нибудь ещё свои бредовые идеи, истории о чудесных воскрешениях и вечной жизни. А я утречком, с рассветом — домой. Живите здесь ещё хоть тыщу лет, как вы утверждаете, но — без меня!»

Пребывая в таких вот растрёпанных чувствах, Дымокуров задремал. Спал он тяжело, беспокорно, метался с боку на бок в жаркой постели, стонал, всхрапывал и даже подвывал, видя кошмарные сны.

Очередная жуть ему приснилась под утро.

Будто давешний человек в чёрном, висевший в раме окна вниз головой на манер карточного вала, нарисовался там вновь. Уже не вверх тормашками, а сидя естественным образом на корточках, расположившись на широком подоконнике. Растянув ярко-красные губы в улыбке, он поманил отставного чиновника пальцем: подойди, мол.

Глеб Сергеевич понял, что проснулся, и личность в окне, залитом серым рассветом, вовсе ему не снится.

— Вы меня? — не проявляя ни страха, ни удивления столь ранним визитом, полюбопытствовал, растирая кулаками глаза и позёвывая, Дымокуров.

Почему-то особое доверие отставного чиновника вызвали штитлеты странного гостя — чёрные, лакированные, пошитые даже на первый взгляд какой-нибудь знаменитой на весь мир обувной фирмой. Разве может человек, позволяющий себе носить такую дорожную брендовую обувь в этой деревенской глуши, внушать опасения?

Как был в одних трусах и нательной майке, босиком, Глеб Сергеевич прошлёпал к окну.

Впечатления от ночного разговора с самозваной роднёй переполняли его. Он уже почти не сомневался в том, что попал в лапы сектантов-аферистов. А потому и незнакомец этот, возникший в рассветный час за окном, вполне вероятно, секретный агент какой-то спецслужбы, ведущей

тайное наблюдение за подозрительной гоп-компанией, поселившейся в старом помещичьем доме. И сотрудники этой спецслужбы разобрались быстренько, кто есть кто среди обитателей усадьбы. Нет ничего удивительного в том, что правоохранители выделили его, Дымокурова, как человека наиболее здорового, благонадёжного, лояльного власти достойного гражданина. А теперь хотят выйти с ним на связь, предупредить и, возможно, вывести из дома, который, не исключено, с минуты на минуту начнут штурмовать.

Глеб Сергеевич подошёл к человеку в чёрном, и впрямь напоминающему секретного агента своим облачением. Надвинутой на лоб глубоко шляпой пасторской, очками зеркальными, в которые, быть может, вмонтированы какие-нибудь приборы ночного видения, телекамеры и прочие прибабасы из экипировки войск специального назначения. Приближаясь, отставной чиновник старательно изображал на лице сосредоточенность, внимание, гражданскую ответственность и готовность к сотрудничеству.

И вдруг в этот самый миг позади Дымокурова с треском распахнулась дверь спальни, озарив комнату ярким электрическим светом со стороны коридора. И голос, принадлежащий самоназванному папаше, Еремею Горынычу, рывкнул, приказывая:

— Глеб! Назад!

Но было поздно уже.

Предположительный спецгент в окне вытянул невероятно длинные, как показалось, руки в чёрных перчатках, подхватил под мышки грузное тело отставного чиновника и выдернул его наружу из комнаты одним движением, легко, словно морковку из грядки.

Дымокуров непостижимым образом взмыл в воздух, больно стукнувшись коленями о подоконник, вместе с заключившим его в крепкие объятия человеком в чёрном, вылетел, словно пробка из бутылки шампанского, устремившись в светлеющее слегка предрассветное небо.

И опять рациональный ум Глеба Сергеевича, несмотря на экстремальную ситуацию, рассудил здраво. Вот сейчас он услышит над головой стрекотание и визг лопастей зависшего над усадьбой вертолётa, и спецназовец в чёрной униформе (вот только шляпа, к чему бы эта широкополая, как у протестантского пастора, шляпа?), бесстрашно вися на прочном фале, втянет спасённого заложника в грохочущее двигателем, но такое безопасное вертолётное нутро. Где его верные сотоварищи, другие спецагенты, примутся ободряюще хлопать Дымокурова по плечу, показывать ему в знак одобрения большой палец, и он, ничего не слышащий из-за рёва мотора, станет улыбаться растерянно и благодарно кивать им в ответ: мол, спасибо, братцы, выручили, не дали пропасть!

Однако никакого вертолѐта в небесах ни слышно, ни видно не было. Сжимавший отставного чиновника в объятиях незнакомец нёсся непостижимым образом над землёй, изредка хлопая лапами своего просторного матерчатого плаща. А Глеб Сергеевич с замиранием сердца смотрел на проваливающуюся под ним в бездну, в тартарары, усадьбу, на село Колбродово поодаль, угадывающееся внизу по редким в этот предутренний час огонькам в окнах.

Уносивший Дымокурова в тёмную межзвѣздную высь незнакомец — то ли освободитель, то ли наоборот, похититель — крепко держал в объятиях свою добычу. Принимая во внимание то, что отставной чиновник был, тактично говоря, человеком не худеньким, а совсем напротив, склонным к полноте, это наверняка требовало немалых усилий. Глеб Сергеевич ощущал явственно на своей шее жаркое дыхание этого странного, летящего в поднебесье, как казалось, только при помощи широкополого плаща, субъекта.

«Господи, ну, конечно же, дельтаплан!» — осенило Дымокурова.

Повернув голову так, что шея хрустнула, отставной чиновник крикнул громко, хотя полѐт проходил в абсолютной тишине, и причин напрягать голосовые связки как будто не было:

— Послушайте, товарищ... э-э... не знаю, как к вам обращаться! Как же вы аппаратом

своим летательным управляете? Руки-то у вас заняты!

— Да-а? — удивлѐнно выдохнул прямо в ухо ему незнакомец. — Действительно! И тут же разомкнул объятия.

Глеб Сергеевич скользнул по его груди и, ничем не удерживаемый, ухнул вниз, понёсся так, что ветер в ушах засвистел, к земле, приближающейся стремительно.

Сердце отставного чиновника, отстав будто чуток от брэнного тела, подпрыгнуло вверх, затрепыхалось под горлом.

В отчаянье Дымокуров замахал руками и ногами, стремясь превратить падение в плавный полѐт, как это бывает во сне, однако то, что происходило с ним сию минуту, сейчас, никак не походило на сон. Не во сне, а наяву он падал с нарастающим ускорением, десять метров в секунду, как услужливо подсказала память из школьного курса физики, пикировал к земле, которая надвигалась, оцетинившись угрожающе остроконечными верхушками сосен, приближалась беспощадно со свистом.

Сейчас бы самое время проснуться с криками ужаса, в холодном поту, сесть в кровати, ошарашенно озираясь по сторонам, осознавая облегчѐнно и радостно, что всё пережитое только что — всего лишь пригрезившийся кошмар.

Однако спасительного пробуждения не наступало. Он всё так же падал и падал безудержно,

кожей, заледеневшей от поднебесного холода, всеми нервными окончаниями обречённого тела предчувствуя, что несколько мгновений спустя полёт этот закончится страшным ударом. И от него, Глеба Сергеевича, со всеми его помыслами и мечтами, с его биографией, коей впору гордиться, благонадёжностью и хорошей пенсией, только окровавленная лепёшка на грунте останется. Будто птичка с высоты какнула. Гигантская такая птичка, с чёрными крыльями, в широкополой, чудом держащейся на голове пасторской шляпе...

И в этот миг с земли навстречу Дымокурову словно ракета межконтинентальная стартовала. Что-то столь же огромное, огнедышащее, ввинчивающееся в ночное пространство так мощно, что воздух дрогнул окрест, и чувствовалось, никто не в силах остановить этот неопознанный отставным чиновником, пребывающим в ужасе, летающий объект.

Это нечто подхватило Глеба Сергеевича так резко, что у того зубы лязгнули, прижало к себе надёжно и мягко, продолжая, словно реактивный истребитель, набирать высоту, и сердце Дымокурова теперь будто оторвалось и упало, как говорится, в пятки.

Щурясь от ледяного ветра, отставной чиновник открыл глаза, попытался разглядеть то, что схватило и держало его, но разглядел лишь нечто, покрытое крупной, с блюдце, чешуёй, отливающее серебром в лунном свете

и напоминающее гигантскую когтистую лапу.

Глеб Сергеевич извернулся и посмотрел вверх. То, что увидел он, его совсем не обрадовало. Ибо то, что, по здравому разумению, могло быть только кошмарным сном, продолжалось.

Его спаситель обладал плоской головой на длинной змеиной шее, покрытой всё той же серебристой чешуёй и принадлежащей явно рептилии.

Чудовище разинуло пасть с кинжальной остроты и столь же впечатляющих размеров клыками и дохнуло пламенем, похожим на струю из огнемёта, вслед удалявшейся стремительно чёрной тени.

Огонь лизнул развевающиеся на лету полы плаща, поджжёт их. И тот, кого Дымокуров принял простодушно за своего спасителя — спецназовца, свалился в штопор, и уже сам, подобно своей недавней жертве, помчался к земле, крутясь в полёте, дымя, как сбитый вражеский истребитель, и разбрасывая вокруг ослепительно яркие искры.

А то чудовище, что прижимало бережно к чешуйчатой груди Дымокурова, заложив немислимую фигуру высшего пилотажа вроде «мёртвой петли», вследствие чего у отставного чиновника заложило уши и помутилось сознание, тоже принялось опускаться стремительно.

Дальше Глеб Сергеевич уже ничего не видел, не чувствовал, укрывшись от навалившегося на него кошмара в спасительном забытьё.

На исходе была вторая неделя пребывания Глеба Сергеевича в имени. К этому времени он начал ощутимо тяготиться уже своим деревенским существованием.

Куда испарились те мечты о тихой уединённой жизни, которым зачастую предавался он на пике своей чиновничьей карьеры? Как грезилось ему тогда, в череде бесконечной беготни по коридорам Дома Советов, аппаратных интриг, непредсказуемых «вводных», как хотелось в ту пору оказаться не в казённом кабинете с канцелярской безликой мебелью, а на берегу тихой речки, с удочкой в руках. И просиживать вот так бездумно, глядя на поплавок, подрагивающий мелко в ряби воды, долгие часы, вести жизнь бесхитростную и неторопливую, обитая в какой-нибудь бревенчатой сторожке с минимальными бытовыми условиями, зато наполненную малыми радостями и от того праведную...

И вот, наконец, негаданно, на склоне лет, он оказался в месте, похожим на то, о котором мечталось, мог позволить себе целые дни проводить в праздности и бездельи, но... всё это как-то быстро ему прискучило и приелось.

Глеб Сергеевич, отложив до поры мысли о побеге, целыми днями слонялся по усадьбе, ибо с «воскрешением» Василисы Митрофановны ему даже вида своего участия в жизни имени делать не приходилось.

Он бродил по многочисленным комнатам, рассматривал бесценные, судя по всему, но, увы, не принадлежащие ему безделушки в шкафах, буфетах и «горках», часами просиживал в библиотеке, листая толстые фолианты дореволюционных изданий, но вчитаться не мог. Его напрягали, отвлекая внимание, бесчисленные «яти» и «еры», разбросанные по тексту, раздражали старорежимные обороты речи, и потому он рассматривал в основном чёрно-белые иллюстрации, выполненные канувшими в вечность художниками и гравёрами.

Порой он прогуливался по территории усадьбы, захаживал на «задний двор», на огород, заглядывал в хозяйственные постройки, обозревая содержащуюся там, блестящую, хрюкающую и кудахчущую живность, но в лес носа не казал. Во-первых, боялся опять заблудиться, а во-вторых, не очень-то и нравился ему этот лес.

Прямые, как телеграфные столбы, и столь же однообразные сосны, колючий слой рыжей хвои под ногами, звенящая, утрюмая какая-то тишина... А ещё мошкара надоедливая, комары, мухи, пикирующие остервенело на вспотевшее от жары тело кровожадные слепни...

Комфорт в помещичьем доме тоже, можно сказать, минимальный. Водопровода, канализации нет. Туалет на улице. Ладно летом, а как быть зимой? Ночью, в темноте, в лютый холод пробираться

по колено в сугробах, если при-спичит «до ветру»? Или осво-ить-таки эмалированный горшок с похабным глазом на дне и коче-вать в обнимку с ним из спальни в наружный сортир по утрам?

В здешней баньке Дымоку-ров тоже успел помыться. Тёрся жёсткой мочалкой, примостив-шись на деревянной лавке и брез-гливо поджигая ноги, стараясь не касаться затоптанного пола, по которому неизвестно ещё кто до него шлёпал босиком. Лил себе на голову горячую воду из помятого алюминиевого ковшика, держа его одной рукой, а другой безу-спешно пытаюсь промыть намы-ленные остатки шевелюры... Тес-нота, дикость, каменный век! В таких условиях о ванной и душе можно только мечтать!

В доме не было даже прово-дного радио, а ламповый телеви-зор, стоявший в библиотеке на антикварной, примерно одного с ним возраста, тумбочке и накры-тый от пыли старомодной кру-жевной салфеткой, похоже, ни-когда не включали.

Глеб Сергеевич пожалел, что не прихватил с собой ноутбук с флешкой для подключения мо-бильного интернета — хоть ка-кая-то связь с цивилизацией, возможность быть в курсе всех мировых новостей, но что о том теперь сожалеть? Да и неизвестно ещё, есть ли здесь, в бору, сото-вая связь? По крайней мере, на территории имения айфон отстав-ного чиновника неизменно изве-щал об отсутствии сигнала.

Тем не менее, о том, что про-исходит на «большой земле», оби-татели усадьбы всё-таки каким-то образом узнавали.

В один из тягучих, наполнен-ных однообразным унынием, ко-торое чуть скрашивало чтение оче-редного тома из полного собрания дореволюционного издания сочи-нений Вальтера Скотта, вечеров, в библиотеку, где Дымокуров рас-положился возле настольной лам-пы на мягком диванчике, вошла, как всегда, не по-стариковски стре-мительным и размашистым шагом Василиса Митрофановна.

— Ну вот, началось, — пребы-вая в крайнем возбуждении, сооб-щила она. — Все информацион-ные агентства, даже иностранные, об этом в новостных выпусках со-общают!

—Что началось? — всполохился Глеб Сергеевич, никогда ранее не видевший тётку в таком состоянии.

Чувствовалось по ней, что про-изошло что-то значительное, судь-боносное... Может быть, ядерная война с Америкой началась, а они сидят здесь, в глухомани, и ни о чём таком не знают, не ведают? Или президент страны в досроч-ную отставку ушёл? Да нет, это невозможно, это похлеще атомно-го апокалипсиса будет...

Василиса Митрофановна не стала томить племянника долгим неведением.

— Вчера состоялось совещание в Доме Советов. Посвящённое на-чалу добычи нефти в Заповедном бору. С приглашением предста-вителей общественности, учёных,

экологов. И эта самая общественность нефтедобычу единогласно одобрила!

— Так что ж? — пожал плечами отставной чиновник. — К этому давно шло...

— А то, — беспокойно кружила, меряя шагами пол библиотеки, тётка, — что была у меня надежда... впрочем, весьма слабая, никакая почти, но всё-таки надежда, что хотя бы у общественности здравый смысл возобладает! Ну, с этими, олигархами вашими, чиновниками всё понятно. Жадность их не имеет предела. В этих сословиях сконцентрированы все самые подлые человеческие черты! Да других там нынче и по определению быть не может! Но должны же, должны остаться и среди вас нормально думающие люди, понимающие, что нельзя ради сиюминутных потребностей уничтожать то, что служило многим поколениям до вас и будет служить вашим потомкам! Никто ещё не умер без этой вашей нефти распроклятой, человечество сотни тысяч лет без неё выживало. С четверенек вставало. А без воздуха, без чистой воды, без плодородной земли, на которой можно хлеб растить, вы же вмиг передохнете! И ладно бы только вы, люди, туда вам и дорога! Так нет, вы ещё и планету погубите...

— Ну, может, они и впрямь остороженько, нефтяники-то, — попытался успокоить разбушевавшуюся тётушку Глеб Сергеевич. — Они же новые технологии бурения

применять обещают, рекультивацию загрязнённого плодородного слоя почвы проводить...

— Ага! — яростно сверкнула васильковыми глазами Василиса Митрофановна. — А давай-ка я, Глебушка, тебе молоточком остророжненько гвоздь в темечко вобью и скальп с тебя сдеру. А потом залатаю, с задницы твоей на это место клочок кожи пересажу. Рекультивирую...

Дымокуров, с опаской взирая на расвирепевшую хозяйку имения, подумал со страхом вдруг, что с неё станется. Что ради защиты бора она, пожалуй, ни перед чем не остановится. И если потребуется, то и скальп с кого угодно запросто снимет...

Однако тётка, несколько раз глубоко, полной грудью, вздохнув, успокоилась, взяла себя в руки. Присела рядом с племянником на диванчик. Заявила неожиданно:

— Писать, Глебушка, надо!

— Кому? — оживился и обрадовался перемене в её настроении Дымокуров. Писать — это для него дело привычное. Это вам не скальп с головы снимать. Бумага — она всё стерпит.

— Президенту России, — развивала между тем свою мысль тётушка. — Он у вас главный, верховный и прочее, прочее! Как скажет, так и будет. Объясним ему, что да как. Что любая активная деятельность на территории Заповедного бора убьёт уникальный зелёный массив. Нарушит

экологическое равновесие, приведёт к массовой гибели живых организмов, растений и животных... Ведь ты, Глебушка, — пронзила она племянника взглядом, словно рентгеновским лучом, — на службе чиновной чем-то подобным и занимался? Цидульки разные сочинял для начальства?

Глеб Сергеевич поджал губы обиженно:

— Ну, если вам угодно так выражаться... Вообще-то я доклады, выступления э-э... по важнейшим вопросам социально-экономического развития региона для руководства готовил. Моими словами, — горделиво вскинул он голову, — первые лица области, губернаторы, министры говорили с народом! А вы — цидульки...

— Ладно, — примирительно махнула рукой Василиса Митрофановна. — Пусть так. Извини. Я в том смысле, что письмо-то президенту по всем канонам... э-э... административного жанра сочинить сможешь?

— А то... — обрадованный тем, что наконец-то появился повод хоть так блеснуть перед тётушкой своими профессиональными навыками, степенно кивнул Дымокуров. — Доводилось и этому адресату документы, обращения, отчёты разные составлять...

Писать письмо Президенту России Василиса Митрофановна решила всем гамузом, пригласив поучаствовать в этом процессе всю дворню.

Глеб Сергеевич, привыкший работать над важными документами

в одиночку, в кабинетной тиши, поморщился недовольно. Возражать, однако, не стал. Чем бы, как говорится, дитя ни тешилось...

Всё одно эту хрень от деревенских отправителей никто в администрации президента не будет читать. Отфутболят назад, по принадлежности, в канцелярию губернатора Южно-Уральской области со стандартной резолюцией: «Дать ответ заявителю».

Сочинять послание решили сразу после ужина, за которым Глеб Сергеевич хватил две стопки крепчайшей кедровки, нацелился было на третью, но осёкся под строгим взглядом Василисы Митрофановны.

Откушав, племянник с тётушкой, в сопровождении домоправителя Еремея Горыныча, направились в библиотеку — писать письмо президенту.

Вечерело. Солнце за окном уже скатилось за пыльные, пожухлые от жары кусты сирени, бросая в широкие незашторенные окна багровые закатные отблески. Погромыхивала где-то вдаль, за бором августовская гроза, отчего казалось, что там, на границе реликтового лесного массива, идёт бой, и военные действия приближаются, накатываются неотвратимо на хвойный лес, на мирное имение, притаившееся в самой чаще.

В просторной библиотеке сразу стало тесновато от собравшихся дружно в назначенный час обитателей усадьбы.

Василиса Митрофановна восседала в старинном, обитом мягкой

кожей кресле у камина, который, видно было по закопченному жерлу, часто топили зимними вечерами.

Еремей Горыныч, Яков, баба Ягода устроились рядом на диванчике, на котором полюбил почитать, полулёжа, заточённый в имении, словно ссыльный вольнодумец прежних эпох, Дымокуров.

Братья Семён и Соломон, раскрасневшаяся от жара плиты и едва успевшая снять белый передник и поварской колпак Мария расположились на принесённых с собою стульях под стеллажами, тускло сияющими у них за спиной золочёными корешками объёмистых фолиантов.

Глеба Сергеевича усадили у окна за единственный здесь столик, предназначенный специально для игры в карты. Обтянутый зелёным, кое-где изъеденным молью сукном и сработанный, как пояснил отставному чиновнику в своё время домоправитель, без единого гвоздя, чтобы исключить магнетическое влияние железа на расположение карт при раскладе.

Дымокуров не удивился бы, положи перед ним владелица усадьбы лист пергамента, чернильницу с гусиным пером и эту, как её... баночку такую, с мелким песком, вместо промокашки...

Однако на столе были приготовлены чистые листы мелованной, годной для печати на принтере финской бумаги стандартного размера и золочёная, «паркеровская» шариковая авторучка.

В комнате отчаянно воняло нестираными портянками — то ли от, похоже, никогда не снимавшего резиновые бродни Якова, то ли от огромных, стоптанных вкривь и вкось кирзовых сапог Семёна и Соломона, а то и ото всех разом.

Василиса Митрофановна, поведя носом, тактично попросила Еремея Горыныча открыть шире окно.

— Ну что же, начнём! — возвестила собравшихся о начале процесса тётушка и распорядилась. — Возьми, Глебушка, ручку. Пиши так... — она задумалась на мгновение, а потом изрекла: — Многоуважаемый Президент Российской Федерации. — И не преминула подсказать: — Президент — с большой буквы...

— Может, по имени-отчеству его назвать? — встряла баба Ягода. — Дескать, батюшка ты наш, отец родной...

— Всемиловитейший государь, — покраснев, выдала вдруг помалкивающая обычно Мария. — К императору так, я слышала, обращались... Помню, я для них обед праздничный по случаю победы над Наполеоном Бонапартом готовила. Не я одна, конечно, там не мене ста поваров участвовало... Так вот царь — всемиловитейший государь. Графья, значитца, — «ваше сиятельство». Все прочие — просто «миловитые государи». Судари да сударыни...

— Какой он тебе, nonешний-то, государь, амператор?! — возмущённо подал голос Яков. — Вот Пётр Ляксеич — то амператор

был! — И пояснил, явно для Дымокурова: — Я его лично знал, за одним столом, бывалыча, бражничал. А к этому, таперешнему, заяву так пропиши. Здравия желаю, гражданин начальник! Обращается, мол, к вам зэка такой-то, статья, срок, начало срока...

Глеб Сергеевич с негодованием бросил авторучку. В кои-то веки оказался он здесь, в усадьбе, во главе дела, которое знал, можно сказать, даже любил и которым владел лучше прочих, а тут всякие, не мыслящие ничего, с дурацкими советами лезут!

— Цыть! — прикрикнула на расгалдевшихся домочадцев Василиса Митрофановна. — Глебушка у нас лучше знает, как письма в высокие инстанции составлять!

А Дымокуров, пригасив гнев, пояснил снисходительно:

— Во-первых, в правом верхнем углу нужно так называемую «шапку» обозначить. Указать полное название должности, фамилию, имя и отчество лица, к которому обращаемся. Ниже написать фамилии, инициалы, почтовый адрес заявителей. В нашем случае, поскольку заявителей несколько, следует назвать Василису Митрофановну Мудрову, обозначив после неё «и др.». А ещё ниже, середине листа, определить, так сказать, жанр нашего послания. Жалоба, заявление и тому подобное. В нашем случае следует назвать документ «Обращение». А под ним, тоже посередине, приветствие. Поскольку мы пишем главе государства,

то никакого панибратства, вроде имени-отчества, никакого «тыканья» типа «отец родной» быть не должно. Строго, чётко, конкретно: «Здравствуйте, уважаемый Президент Российской Федерации! Обращаются к вам жители села Колобродово Зеленоборского района Южно-Уральской области...». Ну, и далее. Нам с вами требуется изложить кратко суть нашего письма к высшему должностному лицу...

— Вот! — не без гордости воскликнула тётка. — Что значит профессионал! А вы... раскудахтались...

— Я по сути и говорю! — опять подала голос баба Ягода. — Малой так: дескать, обращаемся к вам, как к последней инсинуации...

— Чего-чего? — изумился Глеб Сергеевич.

— Она хотела сказать — инстанции, — догадалась Василиса Митрофановна.

— А а... — протянул отставной чиновник. И неожиданно похвалил: — А это хорошо: «как к последней инстанции». Это трогает.

— А то! — зарделась горделиво старушка.

— А суть письма такова: в нашей Южно-Уральской области готовится преступление, которому нет оправдания, — посуровев лицом, выдала тётка. — На глазах всей общественности происходит безжалостное убийство уникального зелёного массива — Заповедного бора...

Дымокуров торопливо зачиркал по бумаге золотой авторучкой, между тем поясняя:

— Я пока тезисно суть нашего письма обозначу. Потом оформлю всё как положено, красиво. В библиотеке я старый путеводитель по Заповедному бору видел, советского ещё издания. Оттуда возьму цифры: площадь бора, породы деревьев, виды птиц, животных, обитающих в нём, заключение учёных об уникальности реликтового лесного массива, постановление правительства СССР о создании на месте Заповедного бора государственного заказника...

И хотя Глеб Сергеевич ни на секунду не сомневался в зряшности этой затеи с письмом президенту, к порученному делу он отнёсся так, как привык: ответственно и основательно. Он всегда писал с полной отдачей, даже в тех случаях, когда труд его в результате оказывался вовсе невостремленным. Сколько докладов, выступлений, так и не прозвучавших в итоге, подготовленных «на всякий случай, если губернатору придётся высказаться по этой проблеме», он написал за свою долгую чиновничью жизнь — и не счесть! Но это нормально, это издержки профессии...

Вот и сейчас, прикусив от напряжения кончик языка, Дымокуров писал старательно, поспевая за тёткой, диктовавшей размеренно, подрагивающим от волнения голосом:

— Ты, Глебушка, так пропиши. Дескать, реликтовый зелёный массив среди пустынных южноуральских степей чудом дожил до наших дней со времён ледникового периода. Он существовал

уже тогда, в эпоху неолита, когда человечество делало лишь первые шаги к цивилизации, занимаясь в девственном бору охотой и собирательством. С тех пор Заповедный бор простоял тут многие тысячелетия. Он пережил нашествие варваров, гуннов, орд Чингисхана и Батыея. В гражданскую войну в окрестностях бора шли ожесточённые бои между красными и белыми. Во время второй мировой войны и после неё, несмотря на то, что государство отчаянно нуждалось в строевом лесе, рубка деревьев в Заповедном бору была запрещена. И позже, когда на территории бора сорок лет назад было открыто богатейшее нефтяное месторождение, советская власть запретила его разработку специальным постановлением. И ни у кого, включая представителей диких, безжалостных варварских племён, не поднялась рука на уничтожение этой жемчужины степей...

Глеб Сергеевич торопливо записывал, кивая согласно и удивляясь про себя, как толково и грамотно излагает суть дела тётушка.

— Заповедный бор представляет собой уникальную экосистему, ценность которой для человечества многократно превышает стоимость залегающей в его недрах нефти, сколько бы её там ни находилось, — продолжала между тем Василиса Митрофановна. — По большому счёту, этот лесной массив не принадлежит какому-то региону, государству, на территории которых он расположен административно. Заповедный бор

— достояние всей планеты Земля. «Земля» пиши с заглавной буквы, — подсказала она между делом племяннику, на что тот покривился досадливо: знаю, мол, учёного не учи!

А тётушкин голос между тем рокотал, гремел обвиняюще под сводами просторной библиотеки:

— А потому гибель, рукотворное уничтожение Заповедного бора станет настоящей экологической катастрофой для огромной территории от Волги и до Урала. Эта катастрофа неминуемо приведёт к непредсказуемым последствиям вроде обмеления рек, высыхания озёр, опустынивания окружающих степей, исчезновения огромного числа представителей флоры и фауны, к фатальным для человека изменениям климата...

Дымокуров стремительно черкал пером по бумаге, поспевая фиксировать умозаключения тётушки, сокращая кое-где слова — ничего страшного, позже переписет письмо набело, жаль, ни компьютера с принтером, ни пишущей машинки хотя бы в доме нет, а от руки несолидно как-то выходит... Хотя, если подумать, то как глас народа, как обращение жителей села из самой что ни есть глухой российской провинции — оно, может, написанное от руки-то письмо воспринимается лучше, естественнее, искренней...

— А закончить так предлагаю, — почувствовав, что аргументы Василисы Митрофановны в защиту бора вроде бы иссякли, заметил со знанием дела Глеб Сергеевич.

— Дескать, нам хорошо известно, какое внимание вы лично, как Президент России, уделяете природе, сохранению животного мира. Мы помним ваше участие в спасении уссурийских тигров, краснокнижных журавлей, этих, как их... лошадей Пржевальского... ну и, соответственно, надеюсь, что вы не оставите без внимания наше обращение...

— Хорошо! — благосклонно кивнула тётушка и обвела взглядом присутствующих. — Все слышали? Все согласны?

Яков — огромный, казавшийся и вовсе необъятным из-за своей выгоревшей штормовки, почесал задумчиво бороду, кашлянул в пудовый кулачище:

— К-х-хе! Я, конечно, знамо дело, не писарь. Однако кумекаю: надо ещё пару ласковых этому президенту добавить. Мол, ежели вы этот беспредел не остановите, не дадите указание технику из бора к чертям собачьим убрать, мы будем защищать лес нашими... это, как его... во! Методами!

— Это какими же? — насторожился Дымокуров.

— Знамо, какими, — угрюмо усмехнулся в бороду Яков. — За топоры да вилы возьмёмся. Нам не впервой. Я и со Стенькой Разиным на челнах по Волге ходил, и с Емельяном Пугачёвым Оренбург осаждал. И в гражданскую — сперва белых колошматил. А потом от меня и красным в Тамбове доставалось...

— В Тамбове, — поправила, больше для порядка, Василиса Митрофановна.

— С дрекольём на пушки пошли! — не без восторга вспоминал Яков. — Мужика — оно ведь как? Только расшевели, задень за живое обидой да несправедливостью — потом уж не остановишь!

— Да вы бунтарь-рецидивист, батенька! — стараясь казаться доброжелательным, демонстрируя, что не принимает такие заявления всерьёз, заметил отставной чиновник. И как дитю малому пояснил. — Про топоры да вилы нельзя. Это уже экстремизм получается. Угроза насилием. За то — уголовная статья. Да и не возьмётся никто ныне за топоры, как вы изволили выразиться. Всем на всех и всё, включая бор ваш, начхать. Своя рубашка-то ближе к телу!

— Я возьмусь, — набылчился Яков. — Вон, Семён с Соломоном. А они, даром, что простаками да тихонями кажутся, бойцы знатные! Я бы, к примеру, против любого из них порознь не выстоял. А уж супротив обоих-двоих и подавно!

Белобрысые, плечистые парни, сидевшие чинно, сложив огромные, мускулистые руки на коленях, натруженными до подошвенной сухости ладонями вниз, кивнули согласно разом.

Хозяйка усадьбы вдруг подержала дремучего лесовика.

— А вообще-то Яков дело говорит. В обиду мы Заповедный бор не дадим, какой бы расклад ни вышел. Ты уж как-нибудь намеки потактичнее, без этого самого экстремизма, что попытка

нефтяников войти в бор закончится для них катастрофой.

— Не понял? — нахмурился Дымокуров. — Вы что, и впрямь за топоры возьмётесь?

Тётка вздохнула, поднялась устало из продавленного кресла, выпрямилась во весь свой гренадёрский рост.

— Нет, конечно. Есть у нас и кроме топоров более... действенные методы. Но ты про то не пиши. Пусть это останется нашей военной хитростью. Одно могу сказать: если они сунутся со своими нефтьвышками в бор — мало им не покажется. Потому что вся природа здесь супротив них ополчилась. А у природы, Глебушка, такая первоизданная сила и мощь, что не только топоры — ядерные боеголовки в сравнении с ней детскими игрушками кажутся...

Посчитав свою миссию законченной, Василиса Митрофановна мотнула головой, указывая дворе на выход, а племяннику наказала строго:

— Ты, Глебушка, всё, о чём мы здесь говорили, в письмо включи. Да перепиши набело. Потом дай мне прочесть. А завтра надо будет корреспонденцию нашу срочно отправлять. Адрес известен. Москва. Кремль, Президенту России. Припиши: лично в руки... Чать, за неделю-то письмо дойдёт?

— Дойдёт, — уверенно подтвердил Дымокуров. И сообразил вдруг: — Адресат наш, Василиса Митрофановна, больно приметный. Как бы на почте... того, не

усомнились, задержек каких не вышло...

Тётка понимающе кивнула:

— И как же нам быть?

— Письмо это надо в Общественную приёмную Президента России передать, — объяснил окрылённый надеждой вырваться, наконец, из лесного заточения Глеб Сергеевич. — Она, приёмная-то, в областном центре, в здании рядом с Домом Советов располагается. Я, если требуется, и отвезу. Так-то оно надёжнее будет...

22

Ну, кто тянул его, отставного чиновника, изодрённого в бюрократических играх, за язык? Знал ведь, что пустая это затея, с письмом президенту-то, так нет, выпендрился. Правильно в народе говорят: дурака ладошкой не прикроешь. Он обязательно нетнет, да проявится, вылезет...

Так корил себя Дымокуров, влипший со срочной отправкой письма в неприятную историю, да ещё с непредсказуемыми последствиями. Забыл на мгновение, что дело имеет с людьми, чья психика нездорова, да что там, с сумасшедшими, можно прямо сказать! Расслабился. Сказанул, не подумав... и вот — на тебе!

А неприятность эта так приключилась.

Вечерело, когда Василиса Митрофановна, с удовлетворением перечитав переписанное от руки набело письмо, расписалась сама, заставила поставить внизу свои

подписи-закорючки всех домочадцев, не забыв и Глеба Сергеевича. После, старательно запечатав листки в купленный специально для этого случая Еремеем Горынычем на сельской почте конверт, изрекла:

— Времени у нас мало совсем остаётся. Завтра, Глебушка, отправляйся в областной центр. До станции мы тебя на повозке доведём. Лошадка у нас резвая, справная, вмиг докатит. А там — поездом, в Южно-Уральск. И, как доберёшься, самолично передай наше обращение в приёмную президента, или как там эта контора у вас называется...

Тут-то Дымокуров возьми да и ляпни:

— Так у нас, если не ошибаюсь, четверг сегодня. Завтра, стало быть, пятница. Если с утра выеду, то до города на перекладных, лошадкой да поездом, доберусь только к вечеру. Приёмная президента к тому времени уже закроется. Да и в пятницу там наверняка короткий день. А потом — суббота и воскресенье, выходные...

Тётка задумалась, застыла посреди комнаты, опершись на клюку, монументально, и стала похожа на памятник Петру Первому во времена, когда он окно в Европу только что прорубил.

А потом кивнула решительно головой:

— Твоя правда, Глебушка. Завтрашнего дня ждать нельзя. Собирайся. Тебя в город сегодня доставим.

— На чём? — ещё не предвосхищая беды, хмыкнув, поинтересовался Дымокуров. — На палочке верхом? Отсюда, из Колобродова, в областной центр никакой общественный транспорт не ходит. Разве что с частником договориться, нанять, чтоб на автомобиле довёз? Но это, пожалуй, две сотни-то вёрст, дороговато получится...

Василиса Митрофановна села строго седые брови:

— Зачем же на палочке? И частник нам ни к чему. С бабой Ягодой, на ступке. Как стемнеет, она тебя отсюда, прямо со двора, в твою городскую квартиру доставит. Так что собирайся.

И вышла, оставив онемевшего Глеба Сергеевича пребывающим в тяжком раздумье.

Что это? Очередной приступ бреда выжившей из ума старухи? Какая, к чёрту, ступа? Они что, все хором тут сбрендили? Ну ладно — тётка, баба Ягода. Но Еремей-то Горыныч впечатление вполне здравомыслящего человека производит. Почему, присутствуя при сём разговоре, никак не укоротил полётные фантазии Василисы Митрофановны, не возразил, а лишь кивнул головой понимающе? А может быть, «ступка» — это что-то иносказательное? Как, например, «какета скорой помощи», вовсе даже и не телега с будкой, а вполне современный автомобиль? Сейчас выкатят из сарая припрятанную там до поры машину (почему-то Дымокурову сразу «Антилопа Гну» из романа

Ильфа и Петрова представилась), баба Ягода — за руль, и поехали? В смысле, полетели... Нет, всё-таки поехали... Тьфу, совсем запутали! Ну не «кукурузник» же у них или вертолёт где-нибудь в ангаре на приколе стоит? Опять же, баба Ягода в качестве пилота... да не приведи Господи!

Тем не менее, помня о главном принципе общения с сумасшедшими — не перечить, не возражать, Глеб Сергеевич, вздохнув покорно, принялся одеваться для путешествия. Он достал из шифоньера тщательно отглаженные Марией — действительно искусницей в домашних делах, — тонкие хлопчатобумажные брюки песочного цвета. Надел рубашку в синюю клеточку с длинным рукавом — ночь, всё-таки, — тоже вполне приличную. На ноги вместо привычных уже лёгких сандалет обул полуботинки «мокасины», мягкие и удобные при ходьбе, при этом относительно тёплые для летней прохлады.

Из багажа взял только толстый коричневой воловьей кожи портфель, куда спрятал заветное письмо в конверте, сунул электробритву и связку ключей от городской квартиры. Поставил на зарядку мобильник — здесь, в лесу, где сотовой связи нет, он как бы и ни к чему, а в пути, в городе, очень даже сгодится...

Собрав вещи, сел за стол и принялся бездумно смотреть в окно на закатное небо, на поднадоевшие изрядно кусты отцветшей давно сирени, на грядку

сосен, темневших вдаль, там, где начинается бор — чужой, непонятный, насторожённый и к нему, Дымокурову, совсем не гостеприимный...

Отставной чиновник смиренно готовился принять любой ход событий, вытерпеть любые действия, предпринятые этой сдвинутой дружно по фазе тётушкиной командой. Как бы то ни было, его эпопея здесь, в усадьбе, похоже, подошла к логическому своему завершению. Осталось добраться до города, а там уж его никакие тётки, никакая дворня нипочём не достанет...

За окном стемнело совсем, когда в комнату заглянула Мария.

— Пожалте на ужин! — предложила она.

Однако Глеб Сергеевич, пребывая в смятенных чувствах, категорически отказался.

— И правильно! — поддержала его неожиданно повариха. — В полёте так болтает, что того и гляди стошнит. А на полный желудок — тем более. Я с бабой Ягодой летала разок. Так такого страха, скажу вам, натерпелась! С тех пор зареклась, к ступе этой близко не подхожу...

От слов простодушной домработницы настроение Дымокурова испортилось окончательно.

Когда за окном погасли последние отблески заката и в комнате стало совсем темно, чуть скрипнув, дверь отворилась.

— Пора, Глебушка, — обозначился в проёме гренадёрский силуэт Василисы Митрофановны.

Дымокуров обречённо вздохнул и, прихватив портфель, пошёл вслед за тёткой.

За домом, на заднем дворе, освещённым скудно единственной двухсотсвечевой электролампой на врытом возле сарая столбе, кипела подготовка к полёту.

Возле огромной ступы, сработанной в незапамятные времена из цельного, в три обхвата ствола крепчайшего дерева, лиственницы или дуба, и оттого неподъёмной весом, почерневшей и окаменевшей от древности, сустились все обитатели усадьбы.

При ближайшем рассмотрении это произведение неведомых, доисторических мастеров оказалось столь огромным, что в него, кроме бабки и отставного чиновника, пожалуй, смог бы при желании поместиться и кто-то третий.

Не без содрогания Глеб Сергеевич попытался представить, для чего такая гигантская ступа могла изначально предназначаться. Ну, не для полёта же! Что в ней можно было толочь? Дробить камни? Человеческие кости и черепа?

Из ступы торчала, высунувшись по грудь, баба Ягода. На её голове был нахлобучен кожаный лётческий шлем с развевающимися ушами. Старушка отдавала энергично какие-то команды Семёну, Соломону и Якову, столпившимся у подножья монументального сооружения, в то время как Мария тёрла яростно по отшлифованному боку огромной колоды тряпкой — словно машиновладелец, прихорашивающий

своего «железного коня» перед дальней поездкой.

Завидев Дымокурова, баба Ягода (и куда только её сколиоз в согбенной спине делся), подтянувшись на худеньких ручонках, перемахнула за борт колоды, скакнула вниз, на подставленные заботливо крепкие руки дюжих сынов, налетела бочком, с прискоком, по-сорочьи, на Глеба Сергеевича:

— Ты куда это, милоч, собрался? В тياتр? На променад? Знаешь, как там, под облаками, холодно? Опять же, ветер — мы на предельной скорости пойдём, путь-то неблизкий! Сопли вмиг заморозишь!

Отставной чиновник, ни мгновения не сомневавшийся в том, что все приготовления к так называемому полёту на этой раскохшейся от старости кадушке закончатся пшиком прямо здесь, на земле, равнодушно пожал плечами.

— На-ка, облачайся в лётную форму!

Бабка сунула ему в руки заношенную до белизны ватную телогрейку-стёганку и облезлую шапку-ушанку с кожаным верхом и мехом внутри.

— Второго шлема у меня нет, — пояснила она, будто оправдываясь, а потом успокоила: — Да и, если мы с верхотуры такой сверзимся, никакой шлем не поможет!

Глеб Сергеевич, не переча и не оговариваясь, безропотно влез в фуфайку, маловатую и не запахивающуюся на животе, натянул на

затылок шапку. От шапки отчётливо воняло псиной. Дымокуров решил обречённо, что и впрямь со стороны в таком наряде напоминает старого, с обвислыми ушами, пса, попавшего в непонятную ситуацию, растерянно озирающегося на поводке и соображающего опасливо, что такого удумали сотворить с ним эти заполошные, непредсказуемо-загадочные хозяйева.

— Давай-ка свой саквояж! — баба Ягода выхватила из рук Дымокурова портфель. — Я его, х-хе, в багажник спрячу.

— Подойди-ка ко мне, Глебушка, — окликнула наблюдавшая со стороны за предстартовой суетой Василиса Митрофановна.

Отставной чиновник приблизился, встал рядом понуро.

— Письмо-то не забыл? — поинтересовалась озабоченно тётка.

— Там. В портфеле. — Глеб Сергеевич хмуро мотнул головой в сторону ступы.

Василиса Митрофановна удовлетворённо кивнула. Потом, помолчав минуту, прозорливо заметила:

— А ты ведь не вернёшься, Глебушка. Чувствую — не очень тебе у нас тут понравилось...

— Да я ещё не улетел никуда, — буркнул раздражённо в ответ Дымокуров. И, почувствовав, что наступил-таки подходящий момент, задал давно мучающий его вопрос. — А если бы и улетел, и не вернулся... Зачем я вам, Василиса Митрофановна, вообще здесь понадобился? Вон у вас, — махнул

он рукой на возившуюся возле колоды дворню, — наследников полон дом! Все сплошь братья, сёстры, племянники. А вы меня... э-э... заманили!

— Полон двор, да все, из тех, что есть, здесь, при мне, — со вздохом ответила тётушка. — И ежели сосчитать, выходит, что раз, два и обчёлся! Мало нас, Глеб. И не только здесь, в имении. На всём белом свете единицы остались. Детишек, как ты заметил, нету. В природе же всё уравновешено. Вот и бездетность наша — расплата за долголетие... Лет двести на моей памяти ни один ребёнок в нашем... э-э... сообществе не родился. Кроме тебя. Так что у нас, можно сказать, каждый штык на счету...

— Ну даже если и так, — кипятился Дымокуров, — что мне тут делать? Огород сажать? Вместе с Семёном и Соломоном быкам хвосты крутить? Или с Яковом грибников пугать в зарослях да электроподстанции на опушке бора курочить?! А может, письма, жалобы по вашей указке строчить да по инстанциям рассылать? Этого вы от меня ждёте?

Василиса Митрофановна опять вздохнула тяжко:

— Сила есть в тебе, Глебушка. Ты о ней и не подозреваешь пока. Она только в особых обстоятельствах открывается. Да под нашим приглядом. И размеров силы той ни ты, ни мы до поры не знаем. Я подозреваю, что в тебе она, сила-то, велика. Вполне вероятно, что больше даже, чем у всех нас

здесь, вместе взятых... Однако ты всю жизнь прожить можешь, да так о силе той и не узнать никогда. Вон уже, по меркам человеческим, и состарился. На пенсию вышел. И проживёшь ты, без силы-то, положенный людскому роду срок — лет восемьдесят, пожалуй. А с нами, с силой-то, впереди у тебя будут тысячелетия...

«Ну вот, опять охмурёж пошёл, — тоскливо сообразил Глеб Сергеевич. — Сила какая-то, долголетие... Прямо колл-центр какой-то, где БАДы для вечной жизни старикам втридорога впаривают...». А вслух произнёс:

— Ладно. Информацию вашу я к сведению принял. Пора закругляться — стемнело совсем. Что там дальше у нас по сценарию? Ступа не заведётся, заклинания не сработают, у Якова от тумана ночного борода отсыреет? И пойдём все в дом почивать? Устал я, Василиса Митрофановна. Мне, хоть и не тысячи лет, как вам, а тоже на седьмой десяток перевалило. Не мальчик уж. Спать хочу...

Тётка опустила голову скорбно:

— Ничего ты не понял, Глебушка. Жаль, если так никогда и не поймёшь. Впрочем, поступай, как знаешь. Письмо только не забудь передать. Хоть и не велика надежда, что его к сведению примут, а всё-таки лучше власти предупредить о последствиях. Так с нашей стороны честнее будет.

— Эй, племяш! — окликнула баба Ягода. Она тем временем

опять забралась в ступу и азартно махала Дымокурову чилижной метлой на длинном черенке. На лбу бабки появились мотоциклетные очки в кожаной оправе, которые она лихо надвинула на глаза, став похожей вмиг на гигантскую стрекозу. — Айда, время не ждёт!

Глеб Сергеевич с нарочитым почтением поклонился Василисе Митрофановне, поджал губы, всем видом своим демонстрируя, что только из уважения к тётушке участвует в этом идиотическом фарсе, и побрёл в сторону суетившихся вокруг летательного аппарата домочадцев.

И тут его словно жаром опалило. А что, если он недооценил глубины сумасшествия тётушкиной компании? Что, если они, на полном серьёзе вознамерившись запустить разохнувшуюся колоду в полёт, напихали под её днище что-нибудь вроде пороха, или что там ещё их воспалённый мозг посоветовал? И подожгут, в надежде создать реактивную тягу? И рванёт так, что его вонявшая псиной шапка-ушанка взлетит выше макушки вон той высоченной берёзы, свесившей пряди своих ветвей на крышу усадьбы? А что станет с бранным телом, и подумывать страшно...

Отставной чиновник притормозил, силясь разглядеть в полумраке, нет ли под ступой чего-нибудь взрывоопасного, какого-нибудь движущего агрегата. Похоже, нет. Колода прочно стояла своим дном на примятой траве, и в щель между её дубовым основанием

и почвой при большом желании можно было подсунуть разве что несколько петард.

К тому же Глеб Сергеевич вспомнил, баба Ягода, объясняя ему давеча принцип тяги этого аппарата, говорила что-то о каменных дисках, создающих при соприкосновении эффект антигравитации...

Если дело ограничится трением булыжника о булыжник, это, пожалуй, не опасно. Пусть потешатся, он в этом детском спектакле, так и быть, поучаствует, а потом, когда всё закончится и бредовые фантазии дворни иссякнут, пойдёт спать...

Между тем он вплотную приблизился к ступе, и домочадцы уважительно перед ним расступились.

Замаялся, не представляя, как следует, забираясь внутрь, карабкаться по этой довольно высокой стенке колоды. На помощь подошли Семён с Соломоном. Они с двух сторон, легко, как пёрышко, подхватили под руки грузного Дымокурова и ловко, одним движением, словно цветок в вазу, водрузили рядом с воинственной бабкой.

Как ни странно, но в этой гигантской бадье они вдвоём вполне разместились.

Баба Ягода, как успел заметить Глеб Сергеевич, устроилась, стоя на деревянной скамеечке, специально, судя по всему, подставленной на дно ступы для этих целей, что позволяло старушке возвышаться, торча из колоды по пояс.

Дымокуров же едва носом дотягивался до края, или борта, чёрт знает, как правильно назвать эту часть конструкции летающего гипотетически агрегата, но разглядел-таки сгрудившихся вокруг Василисы Митрофановны домоладцев. Все они, включая тётушку, помахивали прощально руками, словно и впрямь пассажиров ступы в полёт провожали.

— От винта-а! — озорно гаркнула баба Ягода, свесившись за борт, а потом, орудя обеими руками, принялась усердно шаркать метлой по земле где-то у днища.

Однако ничего за тем не последовало.

Глеб Сергеевич закатил глаза к усыпанному звёздами небу и притворно громко вздохнул.

— Перегруз, язви его в душу! — воскликнула в сердцах бабка и зашаркала метлой интенсивнее, яростнее, злее.

Дымокуров уже не скрывал злорадной ухмылки. Сейчас, вот сейчас всё кончится, сумасшедшие разойдутся, оконфузившись и объясняя не столько ему, сколько самим себе неудачу на старте какой-нибудь технической неисправностью. А он вернётся в дом. С тем, чтобы завтра, проснувшись пораньше и прихватив чемодан с вещичками, дать дёру отсюда и забыть навсегда, выбросить из памяти и неудавшееся это наследство, и усадьбу с её полоумными обитателями...

И в этот момент ступа вдруг ощутимо качнулась, вздрогнула.

А потом стремительно, так, что у Глеба Сергеевича сердце будто оторвалось и невольно подломилась нога в коленях, стремительно, свечой, взмыла в расцветенное звёздами небо.

Отставной чиновник зажмурил от страха глаза, ожидая чего-то ужасного — то ли взрыва, то ли яростного гула пламени в соплах. Однако ничего подобного не последовало.

Колода скользила в пространстве бесшумно, движение ощущалось только вестибулярным аппаратом плотно сомкнувшего веки Дымокурова, замирало при наборе высоты сердце, а потом накатила тошнота, заложило уши при переходе в горизонтальный полёт.

Через пару минут Глеб Сергеевич отважился и открыл глаза.

Он сидел на корточках, глубоко погрузившись на дно кадучки, а потому сперва ничего, кроме плотной, пахнущей пылью ткани подола бабкиной юбки, не разглядел.

Осторожно задрал голову, глянул вверх.

Звёзды всё так же сияли над ним равнодушно, только стали будто бы крупнее, ярче и слегка покачивались в такт лёгким толчкам с которыми, всё ускоряясь, двигалась бесшумно по воздуху ступа.

Совсем расхрабрившись, словно не веря всё ещё в реальность происходящего, Дымокуров медленно, держась руками за гладкие дубовые стенки, привстал.

И тут же в лицо ему, едва не сбив с макушки неплотно сидящую шапку, ударил обжигающе ледяной ветер.

Отставной чиновник спрятал физиономию за бабкину спину.

Та, почувяв его движение, обернулась, глядя сквозь стрекозиные очки, крикнула, перекрывая шум ветра:

— Ты как, племяш, там живёшь? Ближко-то не жмись ко мне. Мы ж с тобой, ха-ха, сродственники!

Дымокуров отодвинулся мигом, прижавшись спиной к стенке колоды, пробормотал смущённо, оправдываясь:

— Тесно тут у вас... В этом вашем... э-э... летательном аппарате...

Язык его не поворачивался назвать этот мчавшийся стремительно в звёздном поднебесье механизм таким привычным в быту и не совместимым с понятием полёта словом, как «ступа».

Бабка, словно уловив его сомнения, пояснила, напрягая голосовые связки:

— Ентот аппарат называется «виман». Слышал про такие? Полезная вещь! Они ещё в древних индийских сказках описаны. На них боги летали. А теперь, х-хе, мы с тобой уподобились. Шас, погодь, крейсерскую скорость наберу, помчимся, как сверхзвуковой истребитель. Смотри только, шгоб тебя за борт не выдуло! Шибко-то не высывайся!

Дымокуров, впрочем, и не думал высываться. Застыв в

неудобной позе на полусогнутых ногах, он долго не решался хотя бы одним глазком глянуть вниз. Потом, нахлобучив покрепче шапку, вцепившись обеими руками судорожно в край ступы, в неммыслимом изгибе вытянув шею, всё-таки посмотрел.

Лучше бы он этого не делал!

Земля, оказавшаяся где-то далеко под ними, была черна непроглядно и угадывалась лишь по редкой россыпи слабых огоньков, обозначавших разбросанные там и сям людские селения. Будто кто-то гигантское кострище, не прогоревшее до конца, разметал, развеял, и оно мерцало теперь тлеющими угольками в обширном и чёрном пространстве.

Опять накатила тошнота, сердце затрепыхалось в груди, дыханье перехватило, тело сковал лютый холод.

Глеб Сергеевич вновь опустил ся на четвереньки, свернулся там в позе эмбриона, уткнувшись лицом в бабкину юбку, решив про себя, что так всё-таки безопаснее, и что в случае падения здесь, на дне крепкой дубовой колоды есть, пожалуй, хотя бы мизерный шанс уцелеть.

Он не мог позже вспомнить, сколько времени провёл в таком полуобморочном состоянии, не представлял себе продолжительности этого невозможного, противоречащего здравому смыслу полёта в деревянной бадье.

Пошевелился чуток, приходя в себя, когда бабка, опустив

руку, нашарила его где-то у себя под задницей и ладонью похлопала легонько по кожаному верху шапки, и впрямь оказавшейся не лишней в атмосферной стуже заоблачной высоты.

— Вона твой город! — объявила старушка. — Покажи, где садиться будем!

Глеб Сергеевич, возликовав внутренне от того, что эта попытка невообразимым полётом завершается, кажется, успешно, отважился-таки приподняться и выглянуть за борт.

Прямо под ними разлитым морем огней простирался город.

Уши опять заложило — ступа провалилась, пошла на снижение.

По расположению ярко расцвеченных фонарями и горящими рекламными вывесками улиц, легко определив топографию района своего проживания, Дымокуров уже почти нормальным, а не сдавленным от ужаса голосом смог объяснить:

— Вон, баба Ягода, широкая полоса света тянется. Это проспект Победы. А там высоченное здание со шпилем видите? Государственный университет. Давайте, на него ориентируйтесь!

Орудя метлой, словно веслом, старушка развернула ступу. Заложил крутой вираж.

— Вон! Вон мой дом! — тыча в направлении земли пальцем, не скрывая восторженной радости, завопил Глеб Сергеевич.

— Подъезд какой? — словно заправский таксист, уточнила бабка.

— П-первый! С л-левого края! — стуча зубами то ли от холода, то ли от возбуждения, вызванного предвкушением скорой встречи с родной, такой привычной и безопасной квартирой, выдавил из себя отставной чиновник.

Ступа, ловко спланировав над самой крышей пятиэтажного кирпичного дома, едва не задев оставшиеся со времён аналогового телевидения, торчащие в небо антенны, скользнула вдоль стены, мимо балконов, и опустилась мягко на полупустую, окружённую чахлыми кустиками акации автостоянку напротив подъезда.

Была глубокая ночь. Во всём многоквартирном доме светилось лишь несколько окон.

Дымокуров, когда ступа, чуть дрогнув, застыла недвижно, напряжённо сопя, перевалился через край и рухнул на прикатанную плотно, покрытую гравием землю. Ноги плохо держали его, и он плюхнулся по-лягушачьи, на четвереньки. Кряхтя и хватаясь за затёкшую поясницу, поднялся, не забыв, впрочем, отряхнуть запачканные на коленях брюки.

Бабка, свесившись сверху, подала ему портфель.

— Ну, прощевай, племяш! — сказала она. — Может, и свидимся!

После чего взмахнула метлой, и ступа бесшумной ракетой взмыла в чёрное, беззвёздное здесь, в городе, небо, мгновенно поглотившее и бабку, и её нелепый летательный аппарат.

Нетвёрдо держась на ногах, переступая неловко, как на ходулях,

Глеб Сергеевич побрёл к родному подъезду.

Лишь сейчас он вспомнил, что забыл вернуть бабе Ягоде свою лётную экипировку — телогрейку и шапку, и по-прежнему одет в эти обноски, напоминая бомжа.

Подойдя ближе к дому, он разглядел две фигуры в натянутых на головы капюшонах, скрючившиеся на лавочке у подъезда.

Дымокуров, опасно озираясь, нашарил в кармане ключи — от квартиры и электрозамка домофона.

— Мощный приход, — донёсся до Глеба Сергеевича шёпот одной бесполой фигуры на ухо другой. — Только раскумарились — а уже и глюки пошли!

— А то! — в ответ ему просипел напарник. — Во как торкнуло! Мне, прикинь, даже баба Яга, летающая в ступе и с помелом, привиделась!

23

Только тот, кто долго отсутствовал в своём жилище, пребывавал вне родимых стен, может по возвращении оценить то умиротворяющее блаженство, которое испытал Глеб Сергеевич, проведя первую ночь в своей новообретённой квартире. На четвёртом этаже простой, без изысков, пятиэтажки-«хрущёвки», которые во множестве ещё прочно вырастают добротным фундаментом в земли наших провинциальных городов, несмотря на столичные «реновации».

Он спал глубоко, без будоражащих сновидений, овеваемый лёгкой прохладой, доносившейся через распахнутую настежь балконную дверь. И пробуждение его было неторопливым, последовательным, вместе со звуками оживающего города: сперва от весёлого шорканья дворницких метёлок по тротуару. Потом — от пискнувшей сигнализации и взрываютшего двигателя припаркованного у дома автомобиля и, наконец, от лёгкого, беззлобно-го матерка, с которым грузчики расположенного на первом этаже магазинчика «шаговой доступности» разгружали фуру, пополняя ассортимент распроданных за предыдущий день товаров повседневного спроса.

Эти звуки, когда-то невообразимо давно, словно в другой эпохе, ещё до поездки, будь она неладна, в усадьбу, ранним утром раздражали и злили его, спозаранку портили настроение, однако теперь, по возвращении, и они казались родными, привычными, означавшими, что жизнь в городе продолжалась и шла неспешным своим чередом.

Как ни странно, о ночном полёте — невозможном, невообразимом, — он не вспоминал сейчас, не думал совсем. Баба Ягода, ступа, свист ветра в ушах, обмирающее сердце, вид городских огней с высоты сумрачного поднебесья остались в другой реальности, непонятной, лишённой здравого смысла. А раз так — то

и ломать голову над этим не следовало. Со временем наверняка всё уляжется, как-то прояснится. Потому что Дымокуров свято верил: любому явлению в нашем физическом мире, даже самому таинственному и удивительному на первый взгляд, есть вполне рациональное, научное объяснение. Не считаем же мы чудом, к примеру, то, что если вращать магнит возле пучка медной проволоки, возникнет электрический ток, посыплются искры, а может и шандарахнуть так, что мало не покажется. Так чего же чудесного и в том, что при взаимодействии некой твёрдой субстанции, которую баба Ягода называла «камнями», возникает тяга такой силы, что поднимает в воздух огромную дубовую колоду с двумя пассажирами? И управляется при этом, гм... обыкновенной метлой...

Проснувшись окончательно, Глеб Сергеевич не спеша выпил крепкого чаю на кухне из любимой своей пиалы красного цвета, покрытой сетью мелких трещинок. А пока пил, размышлял ослабленно: отнести ли таки письмо в приёмную президента или плюнуть на всё и забыть навсегда историю с мнимым наследством, о приключениях, пережитых в Заповедном бору, и о полоумных родственниках, обитающих в антикварной усадьбе...

А письмо выбросить в мусорное ведро и вечером вынести вместе с остальными бытовыми отходами на помойку.

Выбросить ли письмо, отправить ли высокопоставленному адресату — результат предрешён. Ничего в печальной судьбе Заповедного Бора от этого не изменится. От нефтяных денег ради сохранения в неприкосновенности какого-то лесного массива, пусть и реликтового, нынче никто в стране не откажется.

Однако, как человек ответственный, привыкший серьёзно относиться к любым поручениям, Дымокуров не мог поступить так.

Письмо он всё-таки отнесёт в приёмную президента. Подумаешь — с него не убудет. Передаст конверт секретарше и уйдёт, забыв о нём навсегда.

Региональная приёмная Президента Российской Федерации располагалась в Доме Советов, но размещалась не в главном корпусе, а в пристроенном позже крыле. Тем самым складывалось впечатление, будто верховный правитель страны чуточку дистанцировался от областной власти, оставляя для граждан лазейку обратиться напрямую, лично к нему. Минуй при этом барьеры из чиновничьих кабинетов на пяти этажах, неприступных, словно крепостная стена в эпоху средневековья, для обычных граждан, для простого, «с улицы», человека.

Собирался Глеб Сергеевич тщательно, ибо представлял отчётливо, что уж где-где, а в чиновничьих кабинетах посетителей точно по одежке встречают. И торопливо встают, расплываясь

в приветливой улыбке, перед обладателем пиджака «от Бриони», окатывая холодным душем дежурного равнодушия носителей китайского ширпотреба.

Поэтому Дымокуров облачился в лёгкий, в серебристую искорку, итальянский костюм, нежаркий даже в августовской духоте, обулся в тонкой выделки турецкие туфли. Тщательно причесал седые, отросшие неприлично за период деревенского небытия редкие седые волосы, переложил письмо из громоздкого, запылившегося портфеля в пластиковую папочку и, прихватив на всякий случай паспорт, — всё-таки в казённое учреждение направляется, осмотрев себя придирчиво в зеркало на стене прихожей, наконец, покинул квартиру.

От его микрорайона до Дома Советов было примерно четверть часа неторопливой ходьбы. Нынче этот путь Глеб Сергеевич проделал с удовольствием. Шагал размеренно по тротуару, не раздражаясь на рёв и чад выхлопных газов плотно заплонившего проезжую часть улицы потока автомобилей, не злясь на бестолковых пешеходов, норовящих толкнуть плечом или задеть острым локтем, безоглядно куда-то спешащих. Будто жизнь в большом городе непременно подразумевает бесконечную, вечную беготню.

Даже солнце, обрушившееся беспощадно в эти ранние утренние часы на город, на улицы, лишённые тени и зелени, калившее

асфальт и бетон, как дно гигантской сковородки, не досаждало почти. После вечной сумрачной прохлады Заповедного бора оно казалось таким приветливым и желанным!

Попутно Дымокуров отмечал краем глаза, что за недолгий период его отсутствия городские власти напрочь изничтожили старинный скверик, засаженный тополями, сиренью, с лавочками вокруг фонтанчика с гипсовыми лягушками в центре, из раскрытой пасти которых и били прозрачные, живительные в зной струйки воды. Теперь и здесь образовалось голое, залитое солнечным жаром пространство — очередная автостоянка, но это отставного чиновника не тронуло как-то.

Город есть город, шагая неторопливо, размышлял Глеб Сергеевич. У него имеются собственные нужды. А у городских властей — неотложные задачи, которые нужно решать прямо сегодня, сейчас. Одна из них — невероятно выросшее количество единиц автотранспорта, который, конечно же, где-то следует парковать. А потому в жертву встающим на прикол машинам приносились все свободные от застройки участки, покрытые, как правило, зеленью — газонами, клумбами, корявыми, плохо приживающимися в резко континентальном степном климате деревцами.

А кому не хватает деревьев, — с раздражением думал отставной

чиновник, — пусть едут в лес. Вон сколько там, в Заповедном бору, к примеру, всяческих растений! А заодно и мошкары, комаров, слепней кусачих! Он-то лично сыт по горло той буйной, агрессивной, норовящей то оцарапать, то по лицу хлестануть, зеленью... Пусть уж лучше будет как в городе — чистенько, ровненько, прикатано да приглажено, никаких тебе коряг под ногами и буераков!

Размышляя так, то впадая в умиление при виде привычного городского ландшафта, то раздражаясь при воспоминаниях об оставшемся где-то далеко, но всё не отпускаяшем его заповедном лесе, Глеб Сергеевич дошёл до приёмной Президента России.

Это заведение размещалось на первом этаже крыла, пристроенного уже в нынешнее время, когда невероятно размножившийся чиновный люд перестал вмещаться в кабинетах, занятых прежде советской партноменклатурой. Крыло, в отличие от парадного входа в Дом Советов, не охранялось тщательно строгими полицейскими в чёрной униформе. Вход сюда оставался свободен.

Дымокуров, настроившийся на то, что придётся высидеть изрядную очередь, был приятно удивлён отсутствием здесь в этот час других посетителей. То ли народ разочаровался во всеилии президента и не спешил уже в его приёмную с жалобами, то ли просто Глеб Сергеевич удачно зашёл, опередив основной поток посетителей.

У входа в приёмную за письменным столом с компьютерным монитором и несколькими телефонными аппаратами восседала пожилая секретарша. За её спиной тянулся коридор, стены которого были увешаны фотографиями президента, сделанными во время посещения им Южно-Уральской области. В степи, с лошадьми Пржевальского, выпущенными здесь недавно на волю. И возвратившихся, тем самым, наконец, из европейских зоопарков на свою историческую родину.

В коридор выходило несколько дверей, на которых отставной чиновник намётанным глазом разглядел таблички с надписями: «Заведующий приёмной», «Референт», «Начальник канцелярии»... Серьёзное учреждение!

Женщина оторвала взгляд от пачки бумаг, которую ловко тасовала наманикюренными пальцами, словно карточный пасьянс, раскладывая на три неровные стопки, посмотрела на посетителя.

Глеб Сергеевич, намеревавшийся держаться по свойски (всё-таки три десятка лет провёл безвылазно в этих стенах!), вдруг испытал неприятную робость, неловкость, свойственную человеку, отторгнутому системой, выпавшему из обоймы и превратившемуся из «своего» для этой системы в заурядного посетителя.

Он засуетился, торопливоковырнул ногтём кнопочку пластиковой папочки, принялся нашаривать в её недрах конверт.

— У меня... это, вот. Письмо, то есть обращение к президенту!

Секретарша, уже оценившая его костюм, да и узнав наверняка — примелькались друг другу за столько лет, ходя по одним домовым коридорам, улыбнулась, обнажив прекрасные, из импортного пластика, зубки, и кивнула на стул радушно:

— Да вы присаживайтесь... — А потом, присмотревшись внимательнее, поинтересовалась: — Как вас, простите, зовут?

— Дымокуров моя фамилия. Я тут, понимаете, как бы и ни при чём... Просто э-э... родственники... люди... э-мнэ-э... деревенские, попросили вам, в приёмную, письмо передать...

— Глеб Сергеевич? — озарённо воскликнула вдруг секретарша и взяла со стола очередную бумажку, взгляделась в неё сквозь очки в золочёной оправе. — А меня предупредили о вашем визите.

Дымокуров окончательно ступеал. Предупредили?! Зачем?! Кто?! Чёрт бы побрал и письмо это треклятое, и сумасшедших его отправителей!

— Из аппарата губернатора звонили, — заметив растерянность на лице посетителя, поспешила разъяснить секретарша. — Вот, — потрясла она бумажкой, — пропуск в Дом Советов специально на ваше имя оставили. Вас ожидают в приёмной вице-губернатора Надежды Игоревны Барановской. У вас паспорт с собой?

«Опаньки! — в голове отставного чиновника будто петарда

рванула. — И чего этой стерве от меня, интересно, понадобилось?!»

Глеб Сергеевич, пребывая в растерянности, взял протянутый ему дамой пропуск, положил в нагрудный карман пиджака. Поднялся со стула. В последний момент вспомнил:

— Да, у меня тут... э-э... письмо...

Секретарша глянула на него прозорливо:

— Вы сначала побывайте там, куда вас пригласили. Может быть, и нужда в обращении к президенту сама собой отпадёт...

Дымокуров покинул прохладное помещение приёмной и по выложенной тщательно тротуарной плиткой площади зашагал к парадному крыльцу Дома Советов.

Бесчисленное количество раз пересекал он эту площадь с уцелевшим во всех политических перипетиях последних лет памятником Ленину, поднимался и опускался по ступеням парадного крыльца — легко, летящей походкой в молодые годы и грузно, с одышкой, в зрелые лета. А вот сегодня ступал по облицованным полированным гранитом ступеням нерешительно, словно незваный гость, ощущая сполна всю скальную монолитность и неприступность для стороннего человека этой цитадели государственной власти...

На входе два вальяжных, рослых охранника, мельком глянув на пропуск, остроглазо сличив с посетителем фотографию в паспорте, щёлкнули хромированной

пастью металлического турникета, пропуская Дымокурова в святая святых.

Он вознёсся на бесшумном скоростном лифте на четвёртый этаж, где располагалась приёмная вице-губернатора по внутренней политике, уверенно прошёл по зелёной ковровой дорожке к нужному кабинету и, негромко, вежливо стукнув костяшками пальцев, приоткрыл дверь:

— Разрешите?

В приёмной оказалась всё та же секретарша, которую Дымокуров помнил ещё юной, симпатичной и смышлёной девчонкой, а ныне — средних лет дама, худая, измождённая, несмотря на умело наложенный макияж, будто мумифицированная десятками лет, проведённых в этих незыблемо-скальных, похожих на склеп, домсоветовских стенах. Высочавших из неё не только молодость, красоту, но и жизненную энергию.

Она тоже с первого взгляда узнала отставного чиновника и растянула рот в слабой, вымученной улыбке:

— Глеб Сергеевич? Рада вас видеть, — совсем безрадостно произнесла она и указала мумифицированным пальчиком на дверь напротив той, за которой царил Барановская. — Пройдите в комнату для совещаний. Вас там ждут.

Осторожно потянув на себя за бронзовую ручку обитую коричневой кожей дверь, Дымокуров оказался в тесном тамбуре,

устроенном специально для того, чтобы глушить не предназначенные для сторонних ушей разговоры. Толкнув ещё одну, внутреннюю дверь, отставной чиновник шагнул в просторное помещение с длинным столом и двумя десятками приставленных к нему мягких кресел, да ещё одним креслом, в торце, особенно монументальным и мягким, предназначенным для Надежды Игоревны Барановской.

На этом-то кресле и поджидал Глеба Сергеевича, судя по всему, довольно давно и терпеливо, главный сюрприз.

Во главе девственно-чистого, светящегося полировкой цвета вишнёвого вина, стола восседал человек в чёрном. Тот самый, давешний, привидевшийся то ли во сне, то ли наяву. Нарисовавшийся ночью в окошке усадьбы и вознёсший в своих крепких объятиях отставного чиновника в тёмные небеса.

Правда, на этот раз он снял свою пасторскую шляпу, обнажив белёсые, безжизненные волосы, забранные на затылке в тонкий, перетянутый аптекарской резилочкой хвостик.

А вот светозащитные очки, делающие и без того мертвенно-бледное лицо незнакомца вовсе похожим на пустоглазый череп, пугающие зеркальным отражением собеседника, словно тот сам с собой разговаривает, несмотря на отсутствие в кабинете прямых солнечных лучей, так и

сидели, словно приклеенные, на его переносе.

Впрочем, вопреки своей траурной внешности, человек в чёрном встретил Дымокурова весьма жизнерадостно.

— Глеб Сергеевич! Ну, наконец-то! — оживлённо выскочил он из-за стола и протянул обе руки в лайковых перчатках навстречу вошедшему. — Наконец-то мы с вами, так сказать, лицом к лицу встретились! В нормальных обстоятельствах и без свидетелей. Присаживайтесь, — радушно указал он на кресло, ближайшее к начальственному месту в торце стола.

После того, как пребывавший в полной растерянности от негаданной встречи Дымокуров послушно присел на краешек указанного кресла, человек в похоронном облачении тоже вольготно устроился на своём и, сняв очки, повертел их в руках, демонстрируя собеседнику, а затем произнёс с обезоруживающей откровенностью:

— Фотодерматоз. Аллергия на солнечный свет. Приходится, знаете ли, э-э... предохраняться. А люди, глядя на меня со стороны, чёрт те что думают!

Глеб Сергеевич кивнул замороченно. Мельком глянув прямо в глаза незнакомца, не защищённые теперь зеркальными линзами, он всё равно содрогнулся. Такое адово пламя полыхало в этих красных, будто озарённых огнём преисподней, очах!

А тот, улыбаясь алыми, сочными, резко контрастирующими с гипсовой белизной лица губами, предложил приветливо:

— Давайте знакомиться. Зовут меня Люций Гемулович. Фамилия моя вам ничего не скажет, да и знать её ни к чему. О вас же я многое знаю. Такая у меня... э-э... работа. Да и, признаюсь честно, немудрено всё про вас знать. Вся ваша биография, вся жизнь, связанная с государственной службой, на виду. Безупречная, надо прямо сказать, жизнь!

Отставной чиновник, как ни был обескуражен, всё же, зардевшись польщённо, кивнул.

А человек в чёрном, посуровев вдруг, продолжил уже другим, осуждающим тоном:

— А вот в последнее время, заявляю об этом с предельной откровенностью, вы меня, и заметьте, не только меня, нас всех... — многозначительно возвёл он жуткие очи к потолку, — заставили испытать в отношении вас... э-э... некоторое разочарование.

Дымокуров, не очень понимая, о чём вообще идёт речь, всё же, на всякий случай, вздохнул и опустил голову покаянно.

А назвавшийся Люцием Гемуловичем собеседник спросил вдруг строго:

— Ну и как, не надоели ли вам эти ваши фольклорные персонажи?

— К-какие? — несмело, искоса глянул на собеседника Глеб Сергеевич.

— А то вы не знаете? Не прикидывайтесь! — В тоне человека в чёрном зазвучали железные нотки бериевского следователя. — Тётка ваша. Змей Горыныч, баба Яга...

Дымокуров испытал мгновенное облегчение.

— А, эти... Обыкновенные сумасшедшие. Я, когда понял, что к чему, распрощался вежливо с ними и уехал из этой усадьбы. Навсегда.

Люций Гемулович, подавшись вперёд, пронзил отставного чиновника своим радиоактивным взглядом.

— Нет, разлюбезный мой Глеб Сергеевич! Наивный вы человек! В том-то и дело, что родственнички эти ваши — вовсе необыкновенные! Были бы они обыкновенными сумасшедшими, ими бы врачи-психиатры, а не мы занимались!

Лишь услышав из уст собеседника это многозначительное «мы», Дымокуров, наконец, всё понял.

Ну, конечно же, этот... как бишь его... Люций Гемулович, как ещё тогда, после инцидента у окна в усадьбе сообразил Глеб Сергеевич, — представитель каких-то спецслужб. Каких именно — догадаться непросто, вон их, сколько развелось нынче на постсоветском пространстве! И если так, то это многое объясняет. И экстравагантную, «шпионскую» внешность нового знакомого. И его интерес к личности отставного чиновника.

И к его, скажем так, весьма колоритным родственникам...

А Люций Гемулович напирал между тем:

— Неужто вы, человек грамотный, многоопытный, государственный служащий, прожив столько времени с ними под одной крышей...

— Две недели, — вставил, торопясь оправдаться, Дымокуров. — Всего две недели...

— Целых две недели! — акцентировал человек в чёрном. — И за это время ничего странного, подозрительного в их поведении, в быту, в окружении, не заметили?!

— Да заметил! — всплеснул руками, оправдываясь, Глеб Сергеевич. — Я ж говорю: они все там по фазе сдвинутые. Сумасшедшие!

— Ну-ка, ну-ка... подробнее! — сверлил его взглядом Люций Гемулович.

— Ну, — неопределённо пожал плечами отставной чиновник, — они действительно странные какие-то. Бор, например, любят, переживают. Говорят, придут нефтяники — весь зелёный массив угробят. Потом... живут они, сами мне хвастались, очень долго. Тысячу, две тысячи лет. Тётка моя, Василиса Митрофановна, по этой причине периодически якобы умирает, а потом вновь появляется. Под новым именем. И сейчас по поддельным документам живёт. А остальные обитающие там родственнички и вовсе, как я понимаю, ни регистрации, прописки то есть, ни паспортов не имеют.

— Так-так... — азартно потёр затянутыми в перчатки руками Люций Гемулович. — Вот видите? Уже кое-что! Продолжайте!

И Глеб Сергеевич, окрылённый тем, что угодил, торопливо продолжил:

— Ещё медведь там... ручной. Бражку пьёт, алкоголик, похоже... да! — спохватился озарённо, — чуть не забыл. Клубочек у них есть, шерстяной. Сам по земле катится, дорогу показывает. А ещё ступа — колода колодой, старая, а летает. — И поведал покаянно как о чём-то постыдном. — Я на ней с бабой Ягодой прошлой ночью в город сюда по воздуху прилетел.

— Вот видите! — торжествуя, откинулся удовлетворённо на спинку кресла Люций Гемулович. — Вон вы сколько всего приметили необычного. А говорите — просто сумасшедшие...

Дымокуров оправдывался покаянно:

— Да ведь сейчас этих, защитников природы, столько развелось! Гринписовцы разные...

Люций Гемулович насупил сурово белёсые, не видимые почти на алебастровом лице брови:

— А вы знаете, что те же гринписовцы предпочитают протестовать в основном против наших промышленных предприятий? Столпов, так сказать, отечественной экономики? Нефтедобывающей, газоперерабатывающей, металлургической промышленности... и тем самым стремятся подорвать экономическую

мощь нашего государства! И что действуют они зачастую по указке западных спецслужб! А это, милейший Глеб Сергеевич, очень даже серьёзно. Подрывной деятельностью, государственной изменой, шпионажем попахивает...

Отставной чиновник, до которого только сейчас, благодаря таинственному собеседнику, дошло, в какую историю он влип, что можно ему инкриминировать, внимал ошарашенно. А Люций Гемулович принялся считать, загибая пальцы в лайковой перчатке:

— Противодействие разработке нефтяного месторождения — раз! Использование неизвестных технологий, всяких замаскированных под бытовые предметы навигаторов, летательных аппаратов — два! Проживание без регистрации, по поддельным удостоверениям личности — три! И вы уверяете меня, Глеб Сергеевич, что вас, человека с высшим образованием, многолетним стажем государственной службы, всё это нисколько не насторожило?!

Дымокуров заёрзал под пронзительным, будто лазерный прицел, взглядом собеседника, потупился виновато. А тот между тем вещал с осуждением, повысив голос, играя желваками на скулах:

— Это не просто сумасшедшие, товарищ Дымокуров! Это — враги! А вы — обвиняюще ткнул он указательным пальцем в отставного чиновника, — не сумели их распознать! Более того, формально,

с юридической точки зрения, являетесь их сообщником! И государство имеет и законное, и моральное право обрушить на вашу голову карающий меч правосудия!

От этого брошенного ему в лицо обвинения Глеб Сергеевич дёрнулся, словно пулю в грудь от исполнителя беспощадного приговора получил, оплыл в кресле обморочно.

Ему показалось, что прямо сейчас этот спецгент в чёрном отдаст зычно команду: «Конвой!», и в комнату для совещаний войдут, грохоча коваными сапогами, с револьверами наизготовку, нелюдимые чекисты. Зашёлкнут на его запястьях наручники и поведут длинными коридорами Дома Советов под испуганно-осуждающими взглядами чиновников из-за приоткрытых дверей кабинетов на выход. А потом всё дальше, дальше, другими, подвальными, спрятанными под землёй проходами. Прямо к деревянной, а может быть, выложенной пулеулавливающей резиной стене...

И Глеб Сергеевич зачистил, цепляясь за последний шанс угодить, оправдаться, оказаться полезным:

— А ещё ихний домоправитель в дракона, кажись, обращался. Огнедышащего. Но я это неточно помню, будто во сне. Вы, кстати, тоже там были. И мы с вами куда-то летели...

— Наведённые галлюцинации, внушённая ложная память, — со

знанием дела заметил Люций Гемулович. — Они ещё и не то внушить вам могли!

И то, что он опять вроде бы проявил сочувствие к отставному чиновнику, несмотря на чудовищную, непростительную вину, продолжал беседу, воодушевило Глеба Сергеевича.

— А ещё они вас упырём обзывали! — словно последний козырь выбрасывая, сообщил он.

Люций Гемулович хмыкнул, растянув в кривой усмешке алые, сочные губы.

— Ну, ещё бы! Для нас, патриотов, эти вражьи голоса оскорбительных эпитетов не жалеют! — А потом, взволновавшись заметно, привстал из-за стола, заговорил, негодуя: — Нет, меня не устаёт поражать благодущие, царящее в нашем российском обществе! Разве не очевидно, что по мере того, как наша страна поднималась с колен, как крепла её военная и индустриальная мощь, росла экономика, там, — махнул он куда-то за окно, неопределённо, рукой, — на гнилом, бездуховном Западе, станут смотреть на наши успехи со всё возрастающей тревогой? И чем выше наши достижения, тем громче будут скрежетать зубами в бессильной ярости наши враги! Тем больше будет их желание как-то навредить нам, засылая шпионов, диверсантов, агентов влияния, формируя пятую колонну предателей внутри страны! Но нет, мы не понимаем, не замечаем

этого. Мы благодушествуем, пребывая в лени и праздности, считая наших потенциальных врагов безобидными сумасшедшими, чудаками...

Глеб Сергеевич, внимая, едва сдерживал наворачнувшиеся на глаза покаянные слёзы.

А Люций Гемулович вдруг, прервавшись, опять опустился в кресло и посмотрел на собеседника уже по-иному, с доброй, мягкой улыбкой.

— А я ведь сразу понял, товарищ Дымокуров, что вы, по большому счёту, наш человек. Только впавший в заблуждение, запутавшийся. Однако наши органы... — голос его опять зазвенел металлом, — умеют отличать социально близкий, пусть и оступившийся, элемент от настоящих, непримиримых врагов! — И продолжил уже другим, деловитым тоном. — Ладно. Ваших родственничков мы, хотя признаюсь откровенно, тоже не сразу, но раскусили. К ним у нас подход будет особым, и разговор — другим. А с вами...

Отставной чиновник напрягся, ожидая судьбоносных для себя слов из уст собеседника.

— А с вами... — задумчиво повторил тот, а потом вдруг, вспомнив будто, заявил, спохватившись: — Я ведь вас, Глеб Сергеевич, не только для этого разговора пригласил. У меня тут один документ для вас подготовлен...

И он неуловимым движением извлёк откуда-то из складок своего

просторного плаща стандартный листок бумаги, несколько не помявшийся от ненадлежащего, в недрах одежды, хранения.

— Вот, ознакомьтесь.

И положил документ на стол перед Дымокуровым.

Тот замороченно, щурясь подслеповато, сумел прочесть только набранную крупным шрифтом поверху «шапку» — «Распоряжение губернатора», — да синюю печать внизу, свидетельствующую о том, что это подлинник, а не ксерокопия документа, и принялся судорожно шарить по карманам пиджака в поиске очков.

Заметив его растерянность, Люций Гемулович протянул через стол оказавшуюся вдруг невероятно длинной руку, коснулся мягко плеча.

— Потом прочтёте. Это — распоряжение губернатора о назначении Глеба Сергеевича Дымокурова на должность советника главы региона. — И, видя, что собеседник пребывает в совсем уж близком к обмороку состоянии, поспешил разъяснить. — Да-да, дорогой Глеб Сергеевич. Вы теперь — советник губернатора Южно-Уральской области по вопросам взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации. С соответствующим вашему новому статусу должностным окладом, кабинетом, персональным автомобилем...

И, увидев, как Дымокуров, достав носовой платок, утирает

хлынувшие вдруг бурным потоком слёзы, опять дружески похлопал его по плечу мягкой перчаткой.

— Ну, полноте, батенька, полноте... Кого же, как ни вас, с вашим-то огромным опытом, на эту должность назначить? Так что можете отправляться пока домой, а завтра, пораньше, утречком, как вы привыкли, пожалте на службу!

И когда, поняв, что разговор окончен, ослабевший от бури пережитых в этой комнате эмоций, преодолевая головокружение, Дымокуров поднялся из-за стола и шагнул уже на порог, Люций Гемулович вдруг окликнул его:

— Глеб Сергеевич! Совсем забыл. Вы письмецо-то это, в адрес президента, мне оставьте. Мы его... х-хе... отправим по назначению!

Вновь назначенный советник губернатора дрожащей рукой растегнул папочку, достал заветный конверт и положил перед Люцием Гемуловичем.

А потом, ступая нетвёрдо на ватных ногах, покинул комнату совещаний.

24

Неделю спустя после своего триумфального возвращения из административного небытия Дымокуров уже твёрдым шагом, вальяжно, не торопясь, преисполненный собственной значимостью, ходил по коридорам Дома Советов.

Как выяснилось сразу же, Глеба Сергеевича помнили, любили и даже скучали в его отсутствие все многочисленные сослуживцы. Даже те из вышестоящих, кто раньше, примелькавшись за много лет во властных коридорах, пробегали, тем не менее, мимо, едва кивнув, а то и не здороваясь вовсе, теперь, завидя его, за десять шагов начинали улыбаться приветливо и норовили заключить по-свойски в дружеские объятия.

А уж здоровались, с разной степенью угодливости, в зависимости от положения в номенклатурной табели о рангах, теперь все чиновники поголовно.

Советник губернатора — это вам не шутка, не мелкий клерк на подхвате! Это особа, непосредственно допущенная к «самому», приближённая к «телу», наверняка наделённая какими-то немислимими прочим, особыми полномочиями!

И хотя губернатор за всю минувшую со дня назначения Дымокурова на новую должность неделю не то что совета у него не спросил, а, похоже, и вовсе не подозревал о его существовании, окружающим чиновникам было понятно: абы кого на столь значимую должность, конечно же, не поставят!

Глебу Сергеевичу выделили кабинет с красивым, легко запоминающимся номером 414, на самом престижном, четвёртом этаже Дома Советов, неподалёку от апартаментов, занимаемых главой

региона, хотя и без секретарши, зато с закреплённым за ним персональным автомобилем.

И пусть это была старенькая «Волга» белого цвета, вкопец убитая многолетней ездой по сельским дорогам, подлежащая списанию, с таким же старым, готовящимся к пенсии водителем, всё-таки это была персональная машина советника Дымокурова. И она с полным правом стояла целый день на площади перед Домом Советов в ряду своих новых, с иголочки, собратьев — «Лексусов», «Мерседесов», «Ауди», БМВ и прочих иномарок, закреплённых за самыми ответственными работниками регионального правительства.

Барановская, встретившая возвращение Глеба Сергеевича нейтрально, с прохладной улыбкой, кратко дала понять, что, несмотря на новый статус, он по-прежнему находится у неё в прямом подчинении, однако поручениями особо не докучала. Всякого рода «поздравлялки» строчили теперь младшие клерки. Тем не менее, Дымокуров присутствовал на всех важнейших мероприятиях областного масштаба. И сидел там, уже не притулившись где-то в уголке или у стены, на приставном стульчике, а восседал в мягком кресле. На отведённом ему за столом для совещаний месте, где перед ним устанавливалась пластиковая табличка с его именем, отчеством, фамилией и занимаемой

должностью. А также с бутылочкой только ему предназначенной, персональной минеральной воды с тяжёлым, хрустальным, а не каким-нибудь одноразовым, пластиковым стаканом.

Он восседал там с глубоко-мысленным видом, внимая происходящему, и потому с полным правом мог считать себя включённым в «обойму», непосредственно причастным ко всем решениям, принимаемым органами государственной власти.

Впрочем, иногда Дымокурова задействовали-таки в прежнем качестве высокопрофессионального, умудрённого житейским и административным опытом спичрайтера.

Например, для подготовки текстов выступления губернатора перед сельской аудиторией. Молодёжь, искренне полагавшая, что булки хлеба на деревьях растут, никаких путных мыслей по этой тематике в уста главы региона вложить не могла. А Глеб Сергеевич, поднаторевший в докладах для первых лиц области ещё в советские времена, мог довольно квалифицированно и убедительно рассуждать о посевных площадях, урожайности и надоях. А где надо, умел в текст выступления губернатора и солёную шуточку вернуть — простому народу, мужикам-аграриям это нравилось.

А вчера, например, Барановская самолично поручила ему подготовить текст выступления губернатора на торжественном

открытии первой нефтедобывающей скважины на территории Заповедного бора.

— Речь должна быть прочувствованной, проникнутой заботой о росте экономической мощи нашей страны, инвестиционной привлекательности края, отеческим попечением главы региона о повышении благосостояния всех жителей многонациональной Южно-Уральской области, — ин-структировала Дымокурова вице-губернатор.

И Глеб Сергеевич постарался! Никогда ещё, пожалуй, за всю свою долгую карьеру он не писал с таким подъёмом, с таким азартом и вдохновением!

Выступление, как и надлежало, получилось кратким — всего полторы странички компьютерного набора четырнадцатым шрифтом, рассчитанное на трёхминутное чтение, при этом деловым и трогательным в отношении предполагаемой аудитории.

Накануне в конце рабочего дня Глеб Сергеевич распечатал выступление и положил в приёмной Барановской на стол секретарше. А поскольку никаких вызовов сегодня с утра к Надежде Игоревне не последовало, Дымокуров счёл, что текст вице-губернатору понаравился.

Впрочем, хвалить кого-либо за профессионально исполненные должностные обязанности в органах государственной власти было не принято. Не поругали, приняли без замечаний отработанный

документ — и на том, как говорится, спасибо!

А уж про команду нынешнего губернатора чиновный люд примерно так меж собой судачил: дескать, девяносто девять раз лизнул, а в сотый не успел, за то и попал в немилость...

Сегодня с раннего утра, задолго до начала рабочего дня, в Доме Советов ощущалась нервозность, которая случается в преддверии особо масштабных, значимых мероприятий. Выражалась она и в непривычно большом количестве служебных автомобилей у крыльца парадного подъезда, в многолюдности и беготне служащих по коридорам, в частом хлопанье дверей кабинетов, а также в бесконечных, пронзительных трелях звонков стационарных и мобильных телефонов на всех пяти этажах.

Глеб Сергеевич, как старожил этой цитадели региональной исполнительной власти, не одобрял царящей здесь с утра суеты и всеобщей нервозности по пустячному, в общем-то, поводу. Подумаешь — культурно-этнографический фестиваль чая и мёда в Зеленоборском районе проводится с одновременным пуском в эксплуатацию первой в бору нефтескважины. Сколько таких фестивалей, торжественного разрезания ленточек при пуске новых предприятий, открытия школ, больниц и даже свиноферм случалось на его памяти! Всё это считалось едва ли не каждодневной рутинной, когда первые лица

области по статусу обязаны были как бы благословлять своим присутствием все мало-мальски полезные начинания в экономике и социальной сфере, происходившие на территории вверенного им в управление региона.

Однако, положив руку на сердце, Глеб Сергеевич вынужден был признать, что в последние годы особых достижений ни в экономике, ни в социальной сфере Южно-Уральской области под управлением губернатора Курганова не отмечалось. Да что там говорить — достижений не было вовсе, а Дымокурову, начинавшему свою деятельность ещё под руководством секретарей обкома в советское время, было с чем сравнивать.

Тем трепетнее в команде нынешнего губернатора относились к любым общественно значимым событиям, несшим позитивный заряд, сулившим положительный отклик со стороны населения, а в идеале — и надзорных федеральных структур: будь то победа южноуральских спортсменов на каких-нибудь, пусть даже не слишком престижных, второразрядных соревнованиях до премьеры спектакля в местном драматическом театре.

А тут такое мероприятие! Не какой-нибудь высосанный из пальца информационный повод, а пуск настоящего производства, да ещё сулящего немалую прибыль на фоне засушенного многолетней стагнацией экономики,

безработицей, дотационного бюджета Южно-Уральской области. Было, было, от чего впасть в административный восторг и неистовство!

Торжественный пуск первой нефтедобывающей скважины на территории Заповедного бора был назначен на два часа пополудни.

А до того, как из недр ударит первый фонтан «чёрного золота», и по давней традиции этой, только что добытой, нефтью помажут символически щёки всех участников пуска — от буровых мастеров до губернатора, должен состояться торжественный митинг. Который, по задумке вице-губернатора Надежды Игоревны Барановской, к моменту разрезания ленточки на буровой плавно перетечёт во всенародное гуляние с музыкой, песнями, танцами, обильным угощением, с выпивкой всех приглашённых, включая местное население.

Понятно, что советник губернатора не мог остаться в стороне, отсидеться в Доме Советов, проигнорировав такое грандиозное, судьбоносное для всей Южно-Уральской области событие. Которое, конечно же, широко осветят не только местные, но и федеральные средства массовой информации.

А потому Глеб Сергеевич, как ни тяжело ему было возвращаться в места, с коими оказалось связано столько неприятных переживаний, безропотно выехал в направлении села Колобродово загадя,

когда на электронных часах в его кабинете специально настроенный сигнал пропикал девять утра.

Хотя старенькая «Волга», конечно же, не шла ни в какое сравнение со сверкающими и юркими, как капли ртути, иномарками руководства области, она всё-таки выгодно отличалась от нескорого поезда, на котором Дымокуров пилил в прошлую поездку в Заповедный бор несколько часов кряду.

Теперь он ехал, вольготно откинувшись на переднем сиденье правительственного, если посмотреть на регистрационные номера, известные каждому сотруднику ГИБДД, лимузина, скользил рассеянным взором по степному пейзажу за окном и размышлял о загадочности судьбы. Когда совершенно невозможно заранее достоверно предвидеть, где найдёшь, а где потеряешь...

Двести километров, разделяющих областной центр и реликтовый бор, «Волга», погромыхивая железными сочленениями и подвывая натужно на подъёмах, преодолела, тем не менее, всего-то за два часа.

Первую нефтяную вышку, вокруг которой и намечались все торжества с разрезанием ленточки и всенародным гулянием, поставили в окрестностях села Колобродово, в гуще лесного массива. Таким образом, Глеб Сергеевич, безо всякого на то желания, вновь оказался поблизости от «фамильной» усадьбы.

По раздолбанной тяжёлой техникой просёлочной дороге, неуклюже переваливаясь через колдобины, «Волга» добралась-таки до пункта назначения, найти который помогли посты ДПС, расставленные кое-где по пути следования правительственного кортежа, и колышки с фанерными табличками, на которых стрелки указывали нужное направление.

На окраине Колобродово, у самой опушки леса, была организована стоянка для автотранспорта прибывающих участников праздника.

Многие из них уже собрались.

Глеб Сергеевич определил это по нескольким вставшим здесь на прикол оранжевым школьным автобусам с надписью «Дети», их собратьям, расписанным гжельскими узорами, — для артистов, регионального министерства культуры. А также по десятку разнокалиберных легковушек, чужеродно приткнувшихся в пожухлой степной траве: от тронутых ржавчиной, явно принадлежащих местным жителям «Нив» и «пятёрок» до сверкающих победно начальственных внедорожников.

Шустрый распорядитель, странно смотрящийся здесь, по колено в полыни, в строгом чёрном костюме-тройке и с чуть сбившимся от запарки галстуком, определил безошибочно по номерному знаку принадлежность «Волги» к областной администрации и указал для неё особое место, чуть в

стороне, выгороженное жёлтой лентой на кольешках. А пока автомобиль добирался туда, хрустя стеблями сминаемой травы, бежал рядом, преданно и запалённо дыша, как собака.

Выбравшись, наконец, из душного салона, Дымокуров не без удовольствия вдохнул полной грудью действительно удивительно чистый здесь, на целебной хвое настоенный воздух. И, небрежно поздоровавшись с распорядителем — наверняка мелким клерком из местных муниципалов, попенял ему начальственным тоном:

— Что ж вы, голубчик, просёлочную дорогу-то прогрейдеровать не сообразили? Придётся губернатору по вашим колдобинам да ямам трястись!

Муниципал потупился покаянно. А Глеб Сергеевич неторопливо, критическим взором окидывая окрестности — где, в чём ещё упущения? — побрёл к лесу.

К месту, где предполагалось развернуть главное действие по пуску в эксплуатацию судьбоносного для области производства, со всенародным ликованием по этому поводу, вела широкая просека, щедро, с запасом, проложенная среди вековых сосен.

Рухнувшие под острыми зубами бензопил могучие стволы деревьев тоже сгодились. Их, очистив от сучьев, отхватив макушки и укоротив по размеру, ровными рядами уложили на песчаный, плохо держащий тяжёлую

технику, грунт. Вымостив, таким образом, крепкую гать, ведущую сначала к просторной поляне, где состоится празднество, а потом дальше, в глубь леса, уже к буровой.

Глеб Сергеевич, осторожно ступая замшевыми ботинками по сырым брёвнам, ещё сочащимся, будто кровью из ран, липкой смолой, с досадой думал о том, как легко здесь испачкать, сгубить обувку, и что её от этой клейкой, янтарно-жёлтой субстанции потом никогда не ототрёшь, не отмоешь. И вообще ходить по телам этих поверженных исполинов не слишком удобно. А вот грузовикам проезжать в самый раз. Конечно, деревянная дорога эта недолговечна, даже столетние стволы не выдержат веса многотонных нефтеналивных машин, которые начнут ежедневно курсировать по этой гати к скважине и обратно, однако это дело поправимое. Леса вокруг много, на нужды нефтяников хватит...

Поляна, значительно расширенная с помощью всё тех же бензопил, чтобы вместить всех участников праздника, и достигшая теперь размеров футбольного поля, напоминала сейчас ярмарочную площадь.

По её краям, под сенью уцелевших до поры сосен, разместились многочисленные торговые точки, столы и прилавки, уставленные всяческой снедью на выбор — от мороженого с газированной водой

до пропаренных, прямо с вару, мантов и пельменей. Кое-где курился дымок, пахнувший шашлыком и курицей-гриль, из чащи доносился треск ломаемых ветвей и стук топоров — рубили сучья для растопки мангалов.

На многих столах пыхтели самовары, подогретые тлеющими в их латунном нутре сухими еловыми шишками, стояли вазочки, розеточки и солидные, трёхлитровые стеклянные банки с разнообразнейшим мёдом, привезённым сюда в основном из соседней Башкирии, где ещё сохранились липовые леса.

Гомонили, весело переключаясь, продавцы и первые покупатели.

Местные мужики, закатывая блаженно покрасневшие глаза с припухшими веками, глотили пиво прямо из горлышка пластиковых «полторашек» — поправлялись «после вчерашнего».

В дальнем конце поляны, несколько на отшибе, просматривалась нефтяная вышка. К ней вела просека, вымощенная всё теми же срубленными под корень соснами, ближе к буровой пересечённая красной широкой лентой. Её, по задумке организаторов праздника, должен был под всеобщее ликование и аплодисменты перерезать специально заготовленными серебряными ножничками губернатор. И дать, таким образом, старт началу добычи нефти в Заповедном бору.

К буровой через всю поляну тянулись электрические провода,

развешанные на столбах из тщательно ошкуренных и вкопанных в землю, прямых, как корабельные мачты, сосновых стволов.

В центре поляны возвели просторную сцену, пахнущую свежей пиленой доской. На ней уже возлились, устанавливая и подключая аппаратуру, разворачивали змеящиеся электрокабели техники, мельтешили шоумены, поднаторевшие в проведении подобных культурно-массовых мероприятий.

Возле сцены гомонили артисты — женщины в кокошниках и сарафанах ярких расцветок, мужики в алых рубахах, в которых исстари любили щеголять палачи, в хромовых сапогах и лихо сдвинутых набекрень клоунских кепках с огромными фальшивыми цветками над козырьком.

Пристально осмотрев артистов, Глеб Сергеевич кивнул удовлетворённо. Именно так, в представлении власти, команды губернатора и должен выглядеть счастливый народ, которому подарили весёлый, нечаянный праздник.

Внезапно словно ветерок пронёсся по разнопёрой толпе. Все вокруг завертели головами, зашептались, засуетились.

По этой вспыхнувшей всеобщей нервозности, по заискивающим улыбкам, поплывшим на лицах шоуменов, которым лучше было видно со сцены, угадывалось безошибочно — прибыл кортеж губернатора.

Глеб Сергеевич протиснулся с озабоченным видом навстречу.

Нужно, чтобы высокое начальство хотя бы краем глаза приметил, что Дымокуров уже здесь, прибыл, как всякий болеющий душой за организацию дела сотрудник, заранее. Ну и, по возможности, оценило его преданность и старание.

25

Александр Борисович Курганов гордился своей близостью к простому народу, любил и умел разговаривать с ним. Речи, которые доводилось произносить ему с высоких официальных трибун, если он не заглядывал в подготовленную заранее спичрайтерами бумажку, казались неуклюжими, косноязычными.

Другое дело — аудитория, состоящая из сельских жителей или, к примеру, работников какого-то промышленного предприятия. В общении с ними губернатор чувствовал себя в своей тарелке, за словом, как говорится, в карман не лез. Да и простые люди, сами не великие говоруны, прекрасно воспринимали его пассажи вроде: «Э-э... как тебя там... ты мне мозги не компассируй... не ври, короче...», хамоватую манеру общения на «ты», которая в устах главы региона звучала почти отечески. И охотно «тыкали» в ответ: дескать, «да, понимаем мы всё, Алборисыч»...

И это выглядело со стороны трогательно и естественно — ведь и к отцу родному, и к Богу в

церквях люди вот так-то, на «ты», обращаются!

Вот и сейчас, прибыв на поляну в сопровождении многочисленной свиты, сопровождаемый десятком зорких, всё подмечающих глаз телекамер, Курганов не поспешил на сценическую площадку, где уже выстроился, сверкая мишурой костюмов, народный хор, и томился, нянча в руках микрофон, ведущий, а устремился в толпу праздно гуляющей публики, к народу.

— Ну как, мужики, — по-свойски обратился он к группе сельян, сгуртовавшихся возле стола, на котором выставил разнокалиберные бутылки и одноразовые пластиковые стаканчики для бесплатной дегустации местный ликёроводочный завод. — Хороша водочка?

— Нормальная! — нестройно ответили те, что побойчее. — Не то, что палёную, из-под полы продают! — И предложили душевно: — Айда с нами, Алборисыч, по рюмочке! Тут задарма наливают!

— Не могу, — с сожалением покачал головой губернатор. — Это у вас праздник, а я на работе... А вот чайку с медком, пожалуй, отведаю. А, Руслан Анатольевич?! — шутливо толкнул он плечом шествовавшего рядом со спесивой grimасой на лице главного нефтяника Шишмарёва. — Давай почаёвничаем!

Он скользнул взором по ряду столов, уставленных мёдом, чайными чашками, и устремился к

одному из них. Отличавшемся от прочих водружённым по центру огромным, сияющим надранными медными боками, трёхведёрным, не меньше, самоваром, из трубы которого курился сизый горьковатый дымок. Здесь же красовались плошки с мёдом разных цветов и оттенков — от белого почти, донникового, липового, до тёмно-ржаного — гречишного. На расписном подносе высились горки сушёных ягод, пучки трав, которыми сдабривают заварку. А в большой, с автомобильное колесо, хрустальной вазе навалена была всякая аппетитная снедь: румяные баранки да бублики, воздушные, словно взбитые пуховые подушки, плюшки да кренделя.

Хлопотала над всем этим изобилием сухонькая, согбенная годами, но шустренькая старушка весьма примечательной внешности. В холщовой, вышитой ярко-красным орнаментом кофте, в длинной, до пят, неопределённого цвета юбке да в синем, повязанном узелком на лбу платочке. На морщинистой физиономии бабульки выделялся большой крючковатый нос в багровых, будто у пьяницы, прожилках, однако общее впечатление от внешности скрашивали чистые, пронзительной, озёрной синевы глаза, лучисто и зорко глядящие из-под седых, кустистых бровей.

Глеб Сергеевич, топтавшийся неподалёку в толпе, сразу признал в хозяйке стола принарядившуюся

по случаю праздника бабу Ягду.

— А что, бабуся! — обратился к ней приветливо губернатор, придерживая переминающегося недовольно с ноги на ногу Шишмарёва под локоток. — Налей-ка нам чайку. Да покрепче!

— Ах, голуби вы мои! — заворковала радостно бабка. — Уважили старушку, сподобили! Сейчас, сейчас я вам чайку нацēju. Знатного, на лесных травках настоенного. Да с медком, не простым, а с тем, что вольными, дикими пчёлками собран. С цветов особых, заветных, которые только раз в сто лет в чаще бора цветут! Такого вы больше в жисть нигде не отведаете!

— Ну, раз так, то тем более, — благодушно хмыкнул губернатор. И махнул рукой: — Наливай!

Ловко манипулируя то крапником самовара, то фарфоровым заварным чайником, бабка споро наполнила две чашки, старинные по виду, расписанные миниатюрами зимних пейзажей, явно из сервизов усадьбы, зеленовато-бурой жидкостью и подала на блюдцах важным клиентам. Присовокупив янтарного цвета медку в хрустальных розеточках и серебряные ложечки.

Кто-то из свиты принялся совать деньги старушке, но та протестующе помотала седой головой:

— Аль мы, борские, совсем без понятий? Это угощение для

дорогих гостей! А кто ж за угощение деньги берёт?!

Отхлебнув обжигающий чай, слизнув по ложке медку, Курганов и Шишмарёв, вернув с благодарностью бабке посуду, направились, наконец, к сценической площадке.

— Во поле берёзонька стояла,

Во поле кудрявая стояла! — по отмашке ведущего грянул в это время истомившийся на подмостках народный хор.

Дымокуров решил, пробрался, ввинчиваясь плечом в толпу, к бабе Ягоде, поприветствовал, слегка конфузясь:

— Здравсьте, бабуля...

Та усмехнулась:

— Здоров будь, племянничек. А я тебя давно заприметила. Всё гадала — подойдёшь али нет. Пошёл. Значит, не совсем возгордился, помнишь о родне-то!

И принялась ополаскивать кипятком недопитые губернатором и нефтяником чашки.

— Да я вот... в городе-то задержался чуток... — принялся неожиданно для себя оправдываться Глеб Сергеевич, хотя вины за собой и не чуял.

— Бывает, — равнодушно пожала плечами баба Ягода. — Василиса мне так и сказала: не вернётся, мол, Глебушка-то наш... ну что ж, каждый сам свой путь, свою судьбинушку выбирает...

Дымокуров потоптался неловко, будучи не в силах просто уйти, распрощавшись. И сказал неожиданно для себя:

— Чайку, что ли, выпить? Угостите особым своим, губернаторским...

Баба Ягода посмотрела на него пристально, качнула головой в синем платочке:

— Губернаторского не дам.

— Это почему же? — не смог скрыть обиды в голосе Глеб Сергеевич. — Я что, по-вашему, рангом не вышел? — и добавил, чтоб старушке понятнее было: — Я, между прочим, сейчас являюсь советником губернатора. Э-э... по важнейшим вопросам!

— Ну-ну... — хмыкнула неопределённо старушка. — Мы ж знали, что ты далеко пойдёшь, Глебушка... Ты у нас, можно сказать, птица высокого полёта... одним словом — из породы Горынычей! — а потом, глянув зорко по сторонам, наклонилась к нему через стол, шепнула доверительно в ухо: — То чаёк особьей. Для высших персон. После него... хихи, — улыбнулась она неожиданно, — врать не получится. Как ни старайся, а язык сам всю правду скажет! На травке заветной, про которую только я знаю, чаёк тот заварен...

Дымокуров кивнул рассеянно. Он помнил, как чудодейственно помог ему давеча, в избушке, старухин отвар. Действительно, усталость будто рукой сняло...

А бабка между тем продолжала:

— Чаёк этот в особых случаях применяется. Захочет, к примеру, жена выяснить, не завёл ли супруг зазнобу на стороне? Напоит

его энтим-то чаем, он ей всю правду, как есть, выложит...

Но Глеб Сергеевич не слушал уже. Крутанулся, отыскивая взглядом губернатора. И увидел, что Курганов под руку с Шишмарёвым поднимаются на сцену. Следом за высокими гостями, отстав на три шага и сохраняя почтительную дистанцию, сопел, шагая вверх по деревянным ступенькам на правах хозяина праздника, глава Зеленоборского района Пётр Петрович Талканов.

А хор на подмостках наяривал с притопом, прихлопом и присвистом:

*Некому берёзу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати,
Люли, люли, заломати!*

По взмаху ведущего, вертлявого молодого человека в белом концертном фраке, в галстук-бабочке, певцы дружно захлопнули рты, и хор смолк разом.

А конферансье, подскочив к микрофону на стойке, гаркнул так, что его многократно усиленный мощными динамиками голос прокатился по окрестностям бора, вспугнув стаи птиц, и без того беспокойно кружащихся над оккупированной людьми поляной.

— Дорогие друзья! — восторженно завопил в микрофон ведущий. — Земляки и гости нашей славной зеленоборской земли! Начинаем фестиваль, посвящённый

щедрым дарам нашей природы — чаю и мёду! Слово для приветствия участников фестиваля предоставляется губернатору Южно-Уральской области Курганову Александру Борисовичу!

И первым захлопал в ладоши, повернув растянутое в умильной улыбке лицо в сторону как раз поднявшихся рука об руку на подмостки Курганова и Шишмарёва.

Следом на сцену, стуча каблучками по деревянному настилу, шустренько вспорхнула Барановская и вручила губернатору бордовую папочку с тиснёным золотым орлом на обложке — с текстом выступления, надо полагать, старательно и воодушевлённо написанным вчера Дымокуровым.

Всучив главе региона «речёвку», Надежда Игоревна так же скоренько, покачивая бёдрами, спустилась к подножью сцены, в толпу, оказавшись невзначай рядом с Глебом Сергеевичем. А тот потянулся, привстал на цыпочки, чтобы из-за маячивших впереди голов публики лучше видеть своего босса. А заодно в очередной раз послушать, как звучат его, Дымокурова, умозаключения, рождённые в тиши кабинета, в устах губернатора, на забитой плотной толпой народа лесной поляне. Тем более, что накануне осенило вернуть в текст выступления удачный пассаж о двойном празднике, отмечаемом сегодня, посвящённом дарам природы. И тем, что дарит она нам в виде

своих плодов на земле: грибов, ягод, цветов, душистого мёда. И тем, что сокрыты до поры в её недрах, здесь, в Заповедном бору, в виде залежей нефти...

А тем временем Курганов, шагнув к микрофону, раскрыл папочку, глянул в неё и объявил громогласно:

— Ну, здравствуйте, дорогие друзья!

Разумеется, никаких «ну» в выступлении прописано не было, это губернатор импровизировал так, порой отступая от повторения слово в слово текста, подготовленного спичрайтерами.

Поляна встретила это приветствие дружным рёвом толпы. Кто-то, явно разогретый продукцией местной «ликёрки», даже одобряюще свистнул.

— Сегодня, в эти августовские дни, на закате лета, — принялся между тем шпарить по-написанному глава региона, — наш фестиваль чая и мёда позволяет нам ещё раз вспомнить о том, как богата наша южноуральская земля! — И выдал-таки пассаж, вписанный Глебом Сергеевичем: — Сегодня мы с вами отмечаем как бы двойной праздник, посвящённый дарам нашей природы. И тем, что дарит она нам в виде своих плодов на земле, в виде грибов, ягод, цветов, душистого мёда. И тем, что сокрыты до поры в её недрах. Здесь, в Заповедном бору, в виде залежей нефти...

Народ на поляне дружно поаплодировал, а Дымокуров качнул

головой утвердительно, так, мол...

Однако Курганов внезапно оторвался от текста и вперился взгляд, утяжелённый линзами очков, прямо в толпу.

— Вот вы, все собравшиеся здесь, скажите мне откровенно: что мы все с вами любим?

Глеб Сергеевич аж подпрыгнул на месте. Ничего подобного в тексте выступления и близко не было!

Поскольку губернатор замолчал, явно ожидая от публики ответа на свой вопрос, кто-то из толпы крикнул несмело:

— Родину?!

— Детей! Родителей! — послышалось с разных сторон. — Природу!

— Президента, его партию и правительство! — гаркнул какой-то шутник, и народ покатылся от смеха.

Однако Курганов оставался серьёзен. Подняв предупредительно руку с захлопнутой папочкой и дождавшись тишины, он произнёс строго:

— Все мы с вами любим деньги. И чем больше их будет у нас, тем лучше. Если я завтра вам денег на образование, здравоохранение, культуру вот эту, — махнул он рукой в сторону хора у себя за спиной, — не выделю, вы же меня с потрохами сожрёте! Здесь кто-то сказал: мы любим природу. Да что это, вашу мать, за природа?! — он в сердцах обвёл взглядом окружающее пространство. — Лес, мрак, запустение.

Летом жара несусветная, суховеи. Зимой холод собачий, пурга, метели... Я на Мальдивах был — вот где природа! Океанские волны, золотой песок, пальмы, круглый год — лето... Эти, чёрные, как их... мулаты, шустряты. Всё подадут, поднесут... Вот где жить надо, а не здесь, в краю ссыльных и каторжных, в забытой богом степи! И, выкачав нефть здесь, мы продадим её и получим деньги. И поедем на Мальдивы. То есть это я, конечно, поеду. Виллу я там себе уже приобрёл, теперь яхточку прикупить хочу... А вы, засранцы, можете оставаться здесь. Со своей долбаной любимой природой...

Толпа, обомлев, внимала.

Барановская, обернувшись к Дымокурову, прошипела змеёй, которой наступили на хвост:

— Ты чего ему опять там понаписал, гад?!

Но Глеб Сергеевич только лупил на неё глаза полуобморочно и пожимал плечами.

Надежда Игоревна решительно врзалась, рассекая, как ледокол, толпу и помчалась по свежеструганому настилу на сцену. Она неслась, уже не изящно постукивая каблучками, а грохотала по доскам, словно кобыла, взявшая с места в галоп, подковами.

Оказавшись рядом с губернатором, Барановская решительно оттеснила его высокой грудью от микрофона, запалённо дыша, крикнула срывающимся от волнения голосом:

— Спасибо, Александр Борисович! А сейчас слово предоставляется главе нефтяной компании Шишмарёву Руслану Анатольевичу!

А Дымокуров уже понимал обречённо: ну, конечно же, бабкин чай! Который, с её слов, заставляет говорить только правду! Но ведь и нефтяник тот чай прихлёбывал...

Глеб Сергеевич, выйдя в первый ряд публики, попытался обратить на себя внимание Барановской, подсакивая, размахивая руками, складывая их крестом над головой — нельзя, мол...

Однако Шишмарёв, напыжившись, втянув отвислый живот, уже замер у микрофона.

— Раз... раз... раз... — произнёс он, приблизившись к нему губами, и постучал указательным пальцем по рифлёной поверхности. А когда динамики отозвались громко скрежещущим звуком, разнёсшимся далеко по поляне, сообщил удовлетворённо: — Работает! — и, приосанившись, заявил: — А я с нашим уважаемым губернатором не согласен. Ну что там он нашёл, на этих Мальдивах? Провинция, мировые задворки. Я предпочитаю Швейцарию. У меня замок в Лозанне. А ежели, к примеру, искупаться надумаю — в Майами лечу. Вот где отдых! Вот где цивилизация! Ещё года два поработаю, здесь месторождение выкачаю и насовсем в те края переберусь... — Шишмарёв закатил

глаза мечтательно. А потом продолжил: — А вот насчёт денег Александр Борисович прав. Все их любят, включая его самого. Если б вы знали, сколько финансов мне пришлось в столичные ведомства перетаскать, чтобы добычу нефти здесь, в Заповедном бору, запустить! Не в портфелях, не в кейсах-«дипломатах» носил. В чемоданах неподъёмных на роликах в кабинеты закатывал! Да не в рублях, а в долларах или евро! И вот этот вот праздничек, — ткнул он пальцем в толпу на поляне, — мне тоже недёшево обошёлся...

Талканов только крякнул при этих словах нефтяного магната. Ну, конечно же, с нефтяников денежки на организацию праздника стрясли заранее, он даже знал, кто именно стряс. А все расходы на торжества в итоге ему, главе района, пришлось на своём горбу вывозить, за счёт муниципально-го, нищенского бюджета...

Народ на поляне безмолвствовал, ошарашенный.

А Барановская уже вклинилась между Шишмарёвым и микрофоном, объявила, выкатывая глаза от ужаса, следующего выступающего:

— Слово предоставляется главе Зеленоборского района Петру Петровичу Талканову!

Тот, понимая, что происходит что-то из ряда вон выходящее, сменив нефтяника у микрофона, застыл живым изваянием.

Надежда Игоревна, склонившись, зашипела ему яростно в ухо:

— Скажи, скажи хоть что-нибудь, твою мать!

Пётр Петрович, оглядевшись по сторонам беспомощно, проблеял:

— Мы, зеленоборцы, э-э... все, как один...

И замолчал, судорожно нащарывая листок с текстом приветствия, затерявшийся в каком-то из многочисленных карманов.

— Боремся с зеленью! — озорно подказал из толпы кто-то.

— Ради зелени долларовой! — подхватили на другом конце поляны.

Народ захохотал, кто-то опять засвистел — пронзительно, с переливами.

Глава района, окончательно ступевавшись, отступил в сторону и втянул голову в плечи.

Руководитель народного хора, пытаясь заполнить хоть чем-то непредвиденную заминку, дал отмашку, и артисты, всё это время терпеливо простаивающие за спинами высокого начальства, рывкнули многогласно и угрожающе:

*Как пойду я в лес погуляю,
Белую берёзу заломаю!
Люли-люли, заломаю!
Люли-люли, заломаю!*

Потоптавшись, именитые гости стали гуськом спускаться со сцены, на которой металась, стремясь восстановить хоть какой-то порядок, Барановская.

Она подскочила к руководителю хора:

— Ну-ка скомандуй своим, пусть заткнутся!

Потом бросилась к ведущему:

— Что там дальше у тебя по сценарию? Поэт? На хрен поэта! Объявляй перерезание ленточки!

И помчалась вслед понуро уходящему под улюлюканье толпы губернатору.

Ведущий, не сводя замороченного взгляда с текста сценария, приблизился к микрофону и стал читать с выражением, хорошо поставленным голосом:

— А сейчас, друзья, наступит самый волнительный момент. Губернатор области и генеральный директор Южно-Уральской нефтяной компании перережут ленточку на первой буровой установке. И тем самым дадут старт добычи чёрного золота в Заповедном бору!

Глебу Сергеевичу, с ужасом наблюдавшему за происходящим на подмостках, показалось вдруг, что земля ощутимо дрогнула у него под ногами. И было с чего! То, что случилось, то, что говорили со сцены Курганов и Шишмарёв, да ещё при такой массе народа, в присутствии телекамер, было немислимым и кошмарным!

Дымокуров завертел головой, ища взглядом губернатора и его свиту.

Увидел, что они обособленной группкой направляются к просеке. Поспешил, расталкивая плечами толпу, следом.

Если б он знал тогда, что предстоящий кошмар и ужас только ещё начинаются!

26

Неожиданно по всей поляне разнёсся оглушительный, всё возрастающий треск и рёв.

Испуганно оглянувшись, Глеб Сергеевич увидел целую колонну из двух десятков байкеров, медленно рассекающих толпу на грохочущих мотоциклах.

В авангарде процессии, крепко держась за хромированный руль, восседал на завывающем истошно металлическом монстре батюшка в неприлично задранный до бёдер, развевающейся рясе, с огромным золотым крестом на груди.

— Нас приветствует колонна православных байкеров во главе с настоятелем храма отцом Александром Истоминым! — восторженно завопил ведущий на сцене. — Батюшка освятит и благословит словом Божиим начало разработки нефтяного месторождения!

Байкеры, газуя мотоциклами без глушителей так, что закладывало уши, чадя выхлопными газами, пристроились позади губернаторской свиты и покатали медленно в направлении нефтяной вышки.

Глеб Сергеевич только успевал крутить головой, пытаясь уследить за тем, что происходит вокруг.

Плотная толпа на поляне качнулась, словно жидкое варево в

передвинутой неосторожно тарелке, грозя плеснуть через край. Народ не понимал, нужно ли ему шествовать следом за губернатором и байкерами или оставаться у сцены, где продолжало развиваться какое-то действие.

А ведущий тем временем объявил:

— А сейчас свои поздравительные стихи нефтяникам прочтёт известный южноуральский поэт Ферапонт Сбруев!

Микрофоном завладел обряженный по торжественному случаю в старомодный, будто с чужого плеча, тёмно-синий костюм пожилой мужчина с всклокоченными остатками седой шевелюры на голове.

Он прохрипел голосом подавленного, усиленным благодаря динамикам, на всю поляну:

— Стихи. Новые. Только что написанные. — И оглядел победно с высоты сцены колышущийся людской прибой у своих ног.

— Давай, шпарь! — подбодрили его в толпе.

Однако Глеб Сергеевич слушать поэта, конечно, не стал. Он пробирался, не слишком вежливо расталкивая всех, оказавшихся на пути, вдогонку за губернатором.

Между тем небо над поляной нахмурилось вдруг, будто грозовая туча напоззла, но вместо грома и молнии оттуда, с небес, раздался многоголосый гвалт.

Дымокуров задрал голову и увидел, что под облаками над бором творится что-то невообразимое.

Тысячи и тысячи самых разных птиц: от ворон и сорок, теревов и ястребов до крохотных пичужек — стрижей, ласточек, воробьёв и синичек, сбившись в огромную стаю, заслонили всё небо, закружились, каркая, чиркая и свистя, над головами встревоженной публики на поляне. Не нападали пока, как в известном киноужастике Хичкока, но то и дело срывались в стремительном пике, вились над толпой вполне угрожающе.

Подивившись мимоходом такому необыкновенному поведению птиц, Глеб Сергеевич рванул быстрее, нагоняя губернатора.

Чиновник прошагал, спотыкаясь о бревенчатый настил, мимо колонны байкеров, сплошь затянутых в чёрную кожу, украшенных металлическими нашлёпками, цепями, какими-то амулетами и висюльками, в рогатых шлемах с тонированными забралами, за которыми невозможно было разглядеть лица, с разноцветными, сине-зелёно-красными татуировками на обнажённых мускулистых плечах, и поравнялся с отцом Александром.

Тот гордо восседал на новеньком, хромированном «Харлее Дэвидсоне» и, судя по всему, как раз собирался спешиться, дабы приступить к своим церковным обязанностям.

Губернатор в обнимку с гендиректором нефтяной кампании, с отставшей от них на пару шагов

Барановской, шествовали неторопливо к буровой по сочащимся смолой, словно истекающим кровью, брёвнам, словно алчные и безжалостные завоеватели древних времён по телам поверженных и выложенных в ряд защитников взятой цитадели.

Надежда Игоревна на каждом шагу застревала высокими каблуками в щелях между стволами, с видимым усилием выдирала шпильки, грозя и вовсе их сломать, и от того ли, а может быть, из-за дурацких, недопустимых речей своих боссов со сцены, лицо её было перекошено яростью.

Следом за этой троицей вошло ещё человек пять из «ближнего круга» главы региона, включая ошалевшего вконец Талканова, мельтешили, то ломаясь сквозь бурелом по обочине гати, то забегая вперёд в поисках нужного ракурса, десяток журналистов с фотоаппаратами и телекамерами.

Здесь же, впервые за всё время пребывания на поляне, Дымокуров увидел и человека в чёрном. Люций Гемулович, низко надвинув на глаза шляпу, шёл следом, чуть поодаль от свиты, умудряясь оставаться, несмотря на своё вычурное одеяние, неприметным в этой толпе.

Глеб Сергеевич, нагнав, наконец, губернаторскую свиту, пристроился в конце.

До вышки оставалось всего два-три десятка шагов. Отчётливо

видно было и само громоздкое, абсолютно чужеродное здесь, в лесу, металлическое сооружение, и лёгкая оградка из рабицы вокруг, с воротами, перечёркнутыми ярко-алой лентой, которую и надлежало торжественно рассечь губернатору.

Возле вышки, словно солдаты на боевом посту, в ожидании высокого начальства застыли рабочие, буровики, надо полагать, в новеньких спецовках и жёлтых, как подсолнухи, касках на головах.

А надо всем этим неистововали в небе, нависнув грозовой тучей, кричали, метались отчаянно стаи бесчисленных птиц да разносился далеко вокруг поляны усиленный динамиками голос поэта Сбруева, истошно орущего в микрофон:

*Мы нефтяников поздравляем
И всего, трам-там-там,
им желаем!*

Внезапно вся разношёрстная процессия во главе с губернатором остановилась, замялась почти уже перед самой вышкой.

Кто-то встал у неё на пути, перегородив устланную стволами сражённых деревьев просеку.

Глеб Сергеевич с удивлением узнал обитателей антикварной усадьбы.

Они стояли рядком. По центру, привычно опершись на трость с серебряным набалдашником, возвышалась Василиса Митрофановна. По левую и правую руку

от неё, набывчившись, застыла с угрожающим видом вся дворня: Еремей Горыныч, Яша Лесной, баба Ягода, Семён с Соломоном, Марья-искусница.

Какой-то шнырь из губернаторской свиты выскочил вперёд, замахал руками, словно мух отгоняя:

— Граждане! В чём дело?! Освободите сейчас же проход!

В этот момент из-за спин обитателей усадьбы, косолапо переваливаясь, вышел медведь Потапыч. Он уселся по-собачьи посреди просеки, и принялся добродушно рассматривать губернаторского шныря.

— Медведь! Уберите медведя! Полиция! — завопил тот, малодушно отступив и спрятавшись за главу региона.

Курганов с Шишмарёвым в изумлении обозревали возникшее вдруг на пути препятствие.

А вот Барановская, и до того пребывавшая в ярости, вовсе впадала в бешенство.

Размахивая кулаками, она бросилась на Потапыча:

— А ну пошёл вон, гнида! И вы все, — завизжала она на родственничков Дымокурова. — Вон! Прочь с дороги!

Впрочем, беснующаяся вице-губернатор не произвела никакого заметного впечатления на защитников бора.

Василиса Митрофановна подняла свою трость и концом её указала кому-то на замывшаюся процессию.

Глебу Сергеевичу даже почудилось, что из конца трости блеснул, рассекая пространство, тонкий, как вязальная спица, луч зелёного цвета.

Однако никакого видимого урона ни губернатору, ни его свите он не нанёс.

Зато вокруг начало твориться что-то невообразимое.

Прервав на полуслове расплывшегося, продолжавшего выкрикивать какие-то рифмы поэта Сбруева, хор грянул вдруг со сцены с заливчатским притопом и присвистом что-то похабное, даже кощунственное:

*У попа была коза,
Через попу тормоза!
Он на ней дрова возил,
Через попу тормозил!*

Дымокуров, оглянувшись, увидел, как вскинулся негодующе притормозивший аккурат позади него на своём «Харлее Дэвидсоне» батюшка, однако мотоцикл под ним вдруг затрепетал, начал расплываться зыбко, терять очертания, шевелиться, словно живой.

И в ту же секунду стало абсолютно очевидным, что священник и впрямь сидит верхом на козе — настоящей, крупной, живой, крепко ухватив её за рога.

А хор между тем наярывал, задорно топоча по настилу сцены:

*В попу семечка попала,
Тормозить коза не стала.*

*Поп наладил тормоза,
И поехала коза!*

А реальная коза под батушкой, словно выйдя из оцепенения, взбрыкнула, встала на дыбы возмущённо, и отец Александр, не удержавшись, кубарем скатился с неё в кусты, на обочину.

И секунду спустя вся колонна сопровождавших его байкеров завизжала вдруг разом истошно, распалась, исчезла, а с места, где только что стояли, рокоча грозно двигателями, мотоциклы, во все стороны бросилось с отчаянным хрюканьем два десятка грязных, толстых, щедро откормленных свиной мясosalной породы.

А с небес вдруг закапал, зашелестел, задевая за ветви хвои, дождь.

Крупная, тяжёлая капля упала на макушку Глеба Сергеевича, следующая шлёпнулась на плечо.

И мгновенно на этом месте расплылось серовато-белое, похожее на известь пятно.

Чиновник в недоумении глянул вверх. И сейчас же на лицо ему хлынули струйки тёплой, едкой субстанции.

Это птицы, опорожняясь на лету разом, словно по команде, заливали из поднебесья помётом всех собравшихся на поляне людей.

А те, не поняв ещё, что к чему, прикрывали руками испуганно головы, многие бросились под кроны уцелевших сосен.

Во всеобщей сумятице Глеб Сергеевич успел разглядеть, что губернатор, нефтяной магнат и Барановская застыли посреди просеки. Их деловые костюмы, залитые густыми потоками помёта, стали напоминать зимний чёрно-белый камуфляж, в котором отправляются в тыл врага войсковые разведчики. Здесь же, сохраняя спокойствие и надвинув поглубже на лоб некогда чёрную, а теперь словно побелкой выкрашенную шляпу, застыл и Люций Гемулович.

А вот противники их, дворян из усадьбы во главе с Василисой Митрофановной, вовсе не страдали от низвергнувшихся с небес аномальных осадков. Потоки птичьих испражнений обрывались резко в нескольких метрах от сплочённой группы защитников бора, будто прикрытых прозрачным, не видимым стороннему взору, гигантским зонтом.

— Божий вечный, избавляющий человеческий род от плена диавола! Освободи рабов твоих от всякого действия нечистых духов! — донеслось вдруг до Глеба Сергеевича.

Оглянувшись, он увидел отца Александра, вставшего во весь рост. Не обращая внимания на зловонные потоки, щедро поливающие его сверху, он молился нарастающим, осеняя пространство вокруг себя большим золотым крестом.

— Повели злым и нечистым духам и демонам отступить от

души и тела рабов твоих, не находитесь и не скрываетесь в нём. Избави мя от всех навет вражьих, всякого колдовства, волшебства, чародейства...

Священник молился истово, и Глеб Сергеевич, давно махнув рукой на испорченный безнадежно нечистотами парадный костюм, застыл поодаль, и пальцы его, сами собой сложившиеся в троеперстие, крест-накрест коснулись груди.

А голос отца Александра становился всё слышнее, твёрже, он грохотал, возносясь и перекрывая вопли ужаса, истерический визг и безумный смех, доносящиеся со всех концов атакованной небесами поляны.

— Да разрешится всякое дьявольское наваждение и в горах, и в пропастях земных, и в корне дерева, и в листьях растений, и в траве и в кусте... — став даже будто выше ростом, рокотал нараспев батюшка. — Да разрешится всякое злое дьявольское умышление против человека и в морских гадах, и в животных, и в птицах!

В руках батюшки появилась объёмистая фляжка, расписанная крестами, ликами святых по голубой глазури, и он принялся щедро плескать её содержимое, окропляя святой водой пространство вокруг себя.

Отец Александр явно целил в стоящих посреди просеки живым щитом, сурово насупившихся обитателей усадьбы, которых счёл источником всех обрушившихся

на участников праздника бед и дьявольских наваждений.

Однако до них было далеко, и капли святой воды долетали в основном до губернатора и его свиты, всё ещё топчущихся в растерянности на поверженных брёвнах.

— Господи! — воззвал громогласно батюшка. — Силою благодати твоя отврати и удали всякие злые нечестия, действующие по наущению дьявола. Возврати их обратно в преисподнюю! Аминь!

И в тот же миг содрогнулась окрест земля. Штормовой порыв ветра прошёлся по вершинам деревьев так, что вековые сосны заскрипели, застонали и согнулись в дугу. Брёвна, устилавшие путь к нефтьвышке, зашевелились вдруг, стали приподниматься и проваливаться вразнобой, словно кто-то гигантский, невидимый играл на них, как на клавишах рояля.

Но ни один волосок на голове, ни одна складочка одежды на защитниках бора не шевельнулась под порывами бури. Они стояли всё так же твёрдо, незыблемо, и вокруг них словно сияние в воздухе разливалось, прикрывая и отгораживая надёжно от воцарившегося вокруг смятения и ужаса невидимым защитным силовым полем.

А вот Люций Гемулович вскрикнул вдруг жалобно под каплями святой воды, будто на него расплавленным металлом плеснули, стал уменьшаться стремительно,

тять, словно кусочек сахара-рафинада в крутом кипятке.

Глеб Сергеевич увидел, как человек в чёрном, издав какой-то запредельный для уха, ультразвук, вероятно, свист, превратился в гигантскую летучую мышь. И метнулся, расправив плащ-крылья, в чащу бора, слепо шарахаясь в полёте от встающих на его пути стволов сосен, и исчез там в лесном сумраке.

И опять с пронзительным стоном и скрежетом содрогнулась и даже сдвинулась куда-то в сторону земля под ногами Дымокурова. Он рухнул на четвереньки, не устояв, и по-собачьи побежал, шустро перебирая руками и елозя по жёстким брёвнам коленями, к отцу Александру, под защиту Божьего слова.

А тем временем гать разверзлась вдруг, разъехались, раскатились по сторонам поверженные стволы, а из недр под ними, из возникшего в долю секунды на их месте провала, пучась, тяжело ворочаясь и пузырясь, попёрло нечто, дегтярно-чёрное, со зловонным запахом сероводорода.

Губернатор Курганов, нефтяник Шишмарёв, сопровождавшая их Барановская, провалившись по пояс, беспомощно барахтались, как в трясине, в этой аспидно-чёрной, вязкой субстанции.

Надежда Игоревна, перепачкавшись в нефти с головы до ног, ставшая похожей на известную скандальную афроамериканку, ещё и осыпала при этом пространство

вокруг себя отборной площадной бранью.

Выходило так, что в преисподнюю проваливались совсем не те, на кого, по неразумению, обращал первоначально отец Александр свою молитву.

А Глеб Сергеевич, в ужасе зажмурив глаза, как раз в этот момент погрузился в спасительное беспмятство...

* * *

«На минувшей неделе в Зеленоборском районе близ села Колобродово должно было состояться знаменательное для всей Южно-Уральской области событие. Здесь планировался ввод в эксплуатацию первой нефтяной вышки, призванной встать у истоков бурного потока «чёрного золота», который намеревались добыть специалисты нефтяной отрасли из недр Заповедного бора.

В торжественном мероприятии, совпавшем по времени с традиционным для нашего региона культурно-этнографическим фестивалем чая и мёда, который не первый уже год проводится в эти августовские дни, приняли участие губернатор области Александр Борисович Курганов, глава нефтяной компании Руслан Анатольевич Шишмарёв и другие люди края...»

Глеб Сергеевич, пошелестев страницами газеты «Вестник Южного Урала», тяжко вздохнул. Он уже не в первый раз перечитывал

этот материал, размещённый сразу, по горячим следам потрясшего всю область события, и всякий раз удивлялся, какое простое, вполне научно обоснованное объяснение нашёл журналист Анатолий Цепопёсов тому невообразимому происшествию, свидетелем которого стал Дымокуров.

Поправив очки на носу, Глеб Сергеевич продолжил чтение.

«Однако развернуться в полную силу долгожданному в народе празднику помешала стихия. Случилось явление, достаточно редкое, почти невероятное для нашего степного края. На территории Зеленоборского района произошло землетрясение, эпицентр которого находился в центре Заповедного бора. Как утверждают учёные, довольно сильное, равное примерно пяти баллам по шкале Рихтера.

Своеобразными предвестниками грядущей сейсмической катастрофы стали птицы. Многие из тех, кто собрался на праздник, обратили внимание на необычность в их поведении. Птицы сбились в гигантскую стаю, кричали, проявляли агрессивность, словно пытались настойчиво предупредить людей о надвигающейся опасности.

Впрочем, в результате серии толчков, прокатившихся по лесному массиву, никто серьёзно не пострадал. Жертв и разрушений землетрясение не вызвало.

Чего не скажешь о работниках нефтяной отрасли. Им стихия

нанесла довольно значительный ущерб.

Дело в том, что в результате тектонических сдвигов земной коры, спровоцировавших землетрясение, залегавшие в недрах лесного массива нефтеносные пласты опустились на значительную, недостижимую пока для современных способов разработки месторождений, глубину. Что сделало добычу нефти в Заповедном бору нерентабельной, да и технически невозможной...»

Глеб Сергеевич, аккуратно свернув, отложил газету.

С момента того кошмара, в который вылился для всех участников безобидный, в общем-то, фестиваль чая и мёда, призванный, по задумке организаторов, хоть как-то отвлечь народ от тягот повседневного бытия, пустеющих кошельков и полок холодильников, настроить «на позитив», прошло уже две недели.

Впрочем, ужас, обрушившийся в тот день на поляну Заповедного бора, оказался с научной точки зрения вполне объясним природным катаклизмом — землетрясением. Да, явлением довольно редким в степных краях, но вовсе не мистическим.

А поскольку поступлений нефтяных сверхдоходов в областную казну теперь не предвиделось, губернатор развернул компанию по экономии бюджетных средств.

И показательно начал с себя, точнее, со своего аппарата. А потому должность советника, ту самую, что занимал с недавних времён Дымокуров, сократили.

Так что Глеб Сергеевич вновь оказался на пенсии.

Времени в его распоряжении было предостаточно.

Конец августа выдался особенно знойным, душным от повисшего над городом автомобильного смога. Солнце за день раскаляло крыши, бетонные и кирпичные стены домов, асфальт на дорогах и тротуарах до такой степени, что казалось, будто находишься внутри натопленной жарко гигантской печи.

Последний скверик в микрорайоне, где обитал Дымокуров, снесли, безжалостно срыв бульдозерами деревья, кустарники, закатав освободившееся пространство асфальтом под очередную автопарковку.

Так что гулять теперь Глебу Сергеевичу было решительно негде.

А потому он сидел безвылазно большую часть дня на своём четвёртом этаже, выращивал на балконе чахленькие комнатные цветочки, смотрел телевизор да почитывал газетки, которые ему время от времени бесплатно подбрасывали в почтовый ящик.

Иногда по ночам он просыпался от шума сосен, скрипа раскачиваемых ветром стволов, вновь ощущая себя в бору, но наваждения проходили быстро. Он успокаивался, накапав из пузырька, стоявшего ради таких случаев на прикроватной тумбочке, в рюмочку корвалола, и вскоре вновь засыпал безмятежно.

Потому что отныне жизнь его протекала тихо, размеренно, предсказуемо. И не было в ней больше неожиданностей, происшествий и, слава тебе, Господи, никаких необъяснимых чудес.

Продолжение следует